

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Сложный глагол состоит из двух и более лексических единиц, образующих одну синтаксическую единицу. Набор глаголов, которые могут выступать в качестве вершины сложного глагола в калмыцком языке, ограничен; это глаголы движения (*aaš-* ‘приближаться’, *ir-* ‘приходить’, *jov-* ‘идти, ходить’, *od-* ‘уходить’, *or-* ‘входить’, *var-* ‘выходить’ и др.), глаголы позиции (*suu-* ‘сидеть’, *kevt-* ‘лежать’), глаголы *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’, *ork-* ‘класть’, *täv-* ‘класть’, *xaj-* ‘бросать’, *bää-* ‘быть’, *bol-* ‘становиться’, *ald-* ‘терять’, *gi-* ‘говорить’, *xälä-* ‘смотреть’, *üz-* ‘видеть’ и некоторые другие.

В калмыковедении эти глаголы рассматриваются в связи с выражением видовых противопоставлений. Г. Д. Санжеев [Санжеев 1983: 190] отмечает, что «вспомогательные глаголы передают значение законченного, кратковременного, ритмического и длительного» вида; в работе М. Д. Онджановой глаголы классифицируются в соответствии с выражением законченного, длительного и начинательного вида [Онджанова 1969]. Помимо того, что семантика этих форм по нашим данным несколько иная, такой подход, учитывающий только значение, не позволяет показать общие свойства сложных глаголов с аспектуальной семантикой и других сложных глаголов, выражающих пространственные отношения или модальные значения. И, наоборот, игнорирование

¹ Материал собран в экспедициях 2007 г. в пос. Ергенинский и 2008 г. в пос. Тугтун Кетченеровского района Калмыкии при частичной поддержке гранта РФФИ № 07-06-00278 «Создание корпусов глоссированных текстов на малых языках России: нанайский, удэгейский, калмыцкий». Я благодарю С. С. Сая и Н. В. Сердобольскую, прочитавших первую версию статьи и высказавших ценные замечания, учтенные при редактировании.

морфосинтаксических свойств сложных глаголов приводит к включению в состав этой группы биклаузальных конструкций².

Сложные глаголы в калмыцком состоят из деепричастной формы зависимого глагола и синтаксически главного глагола (вершины), который оформляется показателями, относящимися ко всей конструкции. В независимой предикации последний глагол принимает финитные показатели, как в примере (1):

- (1) *tiig-äd* *var-ad* *jov-u-vidn*
делать.так-CV.ANT выходить-CV.ANT ходить-PST-1PL
'Так что мы ушли' (02_pasport.057).

В зависимой клаузе на линейно последнем глаголе аффиксы условного или целевого деепричастия, аффиксы причастий и др.

- (2) *tiig-äd* *vaха* *un-ad*
делать.так-CV.ANT свинья падать-CV.ANT
ük-ǰə *od-xlagə* {...}
умереть-CV.IPFV уходить-CV.SUCC2
'Свинья упала и сдохла, {а она зовет к себе своего начальника}' (04_svinja.008).

Разные вершины сочетаются с формами соединительного деепричастия на *-ǰə*, или разделительного деепричастия на *-ad*, или слитного деепричастия на *-n*;³ некоторые глаголы могут сочетаться более чем с одной формой, образуя разные сложные глаголы). В статье рассматриваются только сложные глаголы, в которых зависимый глагол стоит в форме соединительного деепричастия на *-ǰə* или разделительного деепричастия на *-ad*. В калмыцком языке существуют вспомогательные глаголы *bää-* 'быть' и *bol-* 'стать', использующиеся в качестве связок

² М. Д. Онджанова включает в число «аналитических форм» некоторые матричные предикаты, вводящие сентенциальные актаны (*duus-* 'кончать' и *ekl-* 'начинать'), хотя они не проявляют признаков грамматикализации и являются бипредикативными конструкциями.

³ В калмыцком представлены сложные глаголы со слитным деепричастием на *-n* и различными формами глагола *gi-* 'говорить' и *ald-* 'терять', которые здесь не рассматриваются (см. о конструкциях со значением отмененного результата [Баранова 2007]).

с причастиями и именами, однако я рассматриваю ниже только функционирование глагола *bää-* ‘быть’ в качестве вершины сложных глаголов с формами соединительного и разделительного деепричастия.

Семантически сложные глаголы описывают одно событие. В зависимости от типа сложных глаголов различается вклад главного и зависимого глаголов в итоговое значение; в большинстве случаев именно синтаксически зависимый глагол несет основное лексическое значение. Главный глагол в составе сложного глагола в той или иной степени грамматикализован.

Под грамматикализацией обычно понимается процесс постепенного превращения лексических единиц в грамматические показатели, как правило, сопровождающийся повышением синтаксической связанности и частичной утратой лексического значения. Десемантизация, утрата ряда синтаксических свойств и фонетические преобразования происходят параллельно (см. определения в работах [Nopper, Traugott 2003; Heine, Kuteva 2002] и др.). Для дальнейшего изложения важны два свойства процесса грамматикализации, неоднократно обсуждавшиеся в литературе. Во-первых, процесс грамматикализации затрагивает конструкции, а не лексемы и следует учитывать вклад каждого лексического и грамматического элемента: «конструкция в целом, а не просто лексическое значение основы, является предшественником, и, следовательно, источником грамматического значения» [Bybee et al. 1994: 11]. Во-вторых, сходство человеческого восприятия обуславливает общие пути грамматикализации лексем с одним значением в языках мира и исходная семантика глаголов влияет на направление грамматикализации (см. справочник [Heine, Kuteva 2002]; исследования семантики глаголов передачи и глаголов позиции [Newman 1998; Newman 2002a]).

На пути от полнозначного лексического глагола к вспомогательному, выполняющему грамматические функции, находится зона неопределенности, допускающая интерпретацию с помощью разных концептов (см.: [Heine 1993: 48; Anderson 2006: 5]). На синхронном уровне в калмыцком сосуществуют, например, (полу)свободные сочетания глаголов

движения и грамматикализовавшиеся на их основе аспектуальные конструкции. Крайние случаи различаются как семантикой, так и морфосинтаксическими свойствами, однако во многих случаях невозможно однозначно определить то или иное сочетание.

Общими свойствами всех сложных глаголов в калмыцком языке являются: 1) упоминавшееся выше единое маркирование сложного глагола на вершине; 2) жесткий линейный порядок слов, не допускающий разрыва зависимого и главного глаголов другими зависимыми и/или перестановки местами частей сложного глагола; 3) единая аргументная структура; 4) семантическое единство сложного глагола. В зависимости от степени грамматикализации сложные глаголы по-разному 1) ведут себя при отрицании; 2) оформляются показателями каузатива, пассива, социатива и др.; 3) образуют стяженные формы с утратой части фонетического материала и ударения или сохраняют полноударную форму вершинного глагола; 4) частично сохраняют семантику вершины; 5) регулярно сочетаются с любыми предикатами или только с глаголами определенного класса. Эти особенности сложных глаголов рассматриваются ниже в каждом из разделов.

Формально на сложные глаголы похожи лексикализации и близкие лексикализациям синонимические конструкции. Глагол *al-* ‘убивать’ регулярно сочетается с деепричастиями, обозначающими способ смерти:

(3) *aŋviǰə tuula xa-ǰə alə-v*
охотник заяц стрелять-CV.IPFV убить-PST
‘Охотник застрелил зайца’.

(4) *Sanǰə tova boorl-ad alə-v*
Санжи змея душисть-CV.ANT убить-PST
‘Санжи задушил змею’.

В приведенных примерах не происходит собственно десемантизация глагола *al-* ‘убивать’, однако сложный глагол обозначает семантически одно событие, т. к. пример (3) не значит ‘стрелял и убил’; по этой модели можно образовать другие сочетания со значением насильственной смерти, например, *ǰatavad al-* (гореть-CAUS-CV.ANT убить) ‘сжечь (о живом

существе)» и др.; невозможно переставить местами деепричастие и главный глагол, показатели финитности оформляют вершину; несмотря на это, данные сочетания являются (полу)свободными неграмматикализованными сочетаниями, отражаемыми в словаре, а не в грамматике. Я не рассматриваю подобные конструкции, хотя следует помнить, что от некоторых сложных глаголов, например сложных глаголов движения, они отличаются лишь степенью, и что грамматикализованные сложные глаголы в калмыцком языке (по крайней мере, один из видов) возникли на основе подобных сочетаний.

Собственно лексикализации в калмыцком языке могут образовывать номинализации⁴ (см. в примере (5) номинализацию от *xuld-žə av-* (продавать-CV.IPFV брат) ‘покупать’) и этим отличаются от сложных глаголов (помимо признака регулярности vs. единичности). Однако многие лексикализации возникают на основе сложных глаголов, в т. ч. *xuldžə av-* ‘покупать’ — на основе конструкций с глаголом *av-* ‘брат’ со значением рефлексивного бенефактива.

- (5) *ölg-edə* *xuld-žə* *avə-ləən*
имущество продать-CV.IPFV брат-NMLZ
‘покупка приданого’.

В статье рассматривается семантика сложных глаголов в калмыцком языке, ограничения сочетаемости в зависимости от исходной лексической семантики и формальных свойств главного глагола, взаимодействие конструкции с акциональными свойствами зависимого глагола⁵, морфосинтаксические особенности сложных глаголов. Ниже рассматриваются сложные глаголы со значением комплетива (разделы 2.1–2.2.), бенефактива и рефлексивного бенефактива (раздел 3), значения количественного аспекта (раздел 4), сложные глаголы со значением прогрессива и дуратива (раздел 5), сложные

⁴ Способность образовывать номинализацию, как отмечает А. Гольдберг, — тест на лексический статус, т. к. номинализация — свойство лексемы [Goldberg 2003: 90].

⁵ Об акциональных классах глаголов в калмыцком языке см. статью М. А. Овсянниковой [Овсянникова, настоящий сборник].

глаголы движения (раздел 6), сложные глаголы со значением конатива (раздел 7); в разделе 8 приводятся выводы.

2. Перфективная зона

М. Д. Онджанова выделяет несколько глаголов, образующих «законченный вид»: *ork-* ‘класть’, *od-* ‘уходить’, *xaj-* ‘бросать’, *av-* ‘брать’, *ög-* ‘дать’, *ir-* ‘приходить’, *xiur-* ‘исчерпывать’, *duus-* ‘кончать’ [Онджанова 1969]. Экспедиционные материалы показывают, что перфективная семантика является основной для сложных глаголов с вершинами *ork-* ‘класть’ и *od-* ‘уходить’ и в определенных контекстах возникает у сложных глаголов с вершинами *av-* ‘брать’ (см. раздел 3). Сложные глаголы с вершиной *xaj-* ‘бросать’ выражают другие значения (см. раздел 4), а глаголы *xiur-* ‘исчерпывать’ и *duus-* ‘кончать’ не образуют сложные глаголы (и не здесь не рассматриваются). В этом разделе рассматриваются только сложные глаголы с вершинами *ork-* ‘класть’ и *od-* ‘уходить’.

В. А. Плулгян предлагает «признать перфективность неоднородной семантической зоной, состоящей из различных универсальных значений» и выделяет три релевантных для перфективной зоны семантических признака: ‘мгновенность / краткость’, ‘достижение естественного предела’ («комплетивность») и ‘вложенность в более протяженный временной интервал’ («лимитативность») [Плулгян 1998: 370]. Для калмыцких сложных глаголов актуальны два из них — комплетивность и лимитативность.

2.1. Глагол *ork-* ‘класть’

В грамматиках отмечается, что «законченный вид» регулярно образуется с помощью аффикса *-čkə*, восходящего к сочетанию глагола *ork-* ‘класть’ с соединительным деепричастием на *-žə*⁶, или с помощью того же глагола *ork-*

⁶ Такая трактовка происхождения аффикса *-čkə* (*-žə* + *ork-*) отчасти противоречит данным других монгольских языков (я благодарю И. А. Грунтова за это замечание, однако в дальнейшем изложении ориентируюсь на понимание, принятое в калмыковедении и не противоречащее языковой интуиции носителей; последние

(из примеров становится ясно, что в последнем случае имеются в виду конструкции с разделительным деепричастием на *-ad* [Санжеев 1983: 190]). В разговорном варианте калмыцкого языка регулярно используется только аффикс, тогда как в литературном встречается как аффикс *-čkə*, так и конструкции на *-ad ork-*.

Основное значение форм с аффиксом *-čkə* — комплетив (характерный для БРАТЬ путь грамматикализации в языках мира, [Heine, Kuteva 2002: 248]). Аффикс достаточно частотен; семантических ограничений на сочетаемость *-čkə* с глагольными корнями нет, но на значение словоформы влияют акциональные свойства и переходность / непереходность глагола: как правило, *-čkə* используется с переходными предельными глаголами. Особенности сочетания *-čkə* с глаголами разных акциональных классов подробно рассматриваются в статье К. В. Гото [Гото, настоящий сборник].

Г. Д. Санжеев трактует конструкции с глаголом *ork-* и аффиксом *-čkə* как синонимы, хотя отмечает возможность достаточно широкой интерпретации конструкции *-ad ork-*:

Другой способ выражения законченности — глагол *ork*, к которому восходит аффикс *-чк*: *ке-һәд орк* (делать-CV.ANT класть) ‘сделать быстро, закончить’, *ав-ад оркв* (братъ-CV.ANT класть) ‘схватить, взять’, *кел-әд орк* (сказать-CV.ANT класть) ‘взять да и сказать’, *мед-әд орк* (знать-CV.ANT класть) ‘узнать’⁷. Переводы, которые даны здесь, далеко не полностью или совсем не отражают видовые оттенки, выраженные аналитическим способом. Не поддаются переводу такие характеристики действия, как интенсивность, быстрота, мгновенность, досрочность осуществления действия [Санжеев 1983: 190–191].

Формы *-ad ork-* встречаются в литературных текстах достаточно часто (примеры из повести М. К. Тюлюмджиева «За бортом жизни» [Тюлюмджиев 1985: 3–4]).

допускают замену аффикса аналитической конструкцией, которую оценивают как **литературную** форму).

⁷ В цитатах оставлена калмыцкая орфография, примеры из литературных текстов переведены в нашу транскрипцию (см. о соотношении принятой в сборнике транскрипции и орфографии [Сай b, настоящий сборник]). Глоссы мои. — В. Б.

- (6) <...> *xalx-asə-n^j* *üms-äd* *orkə-v*
 щека-ABL-P.3 целовать-CV.ANT класть-PST
 ‘Поцеловал (ее) в щеку’.
- (7) *arvə-n* *tavə-nxörə n* *minut-də* *kövü-n*
 десять-EXT пять-EXT20-EXT минута-DAT мальчик-EXT
külä-bäd *orkə-v*
 ждать-CV.ANT класть-PST
 ‘Юноша прождал пятнадцать-двадцать минут’.

В отличие от аффикса *-čkə* сложные глаголы на *-ad ork-* имеют не только комплетивное (6), но и лимитативное значение, т. е. указывает на ограниченность ситуации относительно более продолжительного временного отрезка (7) В устной речи сложный глагол с вершиной *ork-* ‘класть’ практически не употребляется; в наших текстах она встретила только один раз (хотя в анкетах информанты в некоторых контекстах допускали предъявленные стимулы):

- (8) <...> *čolu* *av-ad* *šiv-äd*
 камень брать-CV.ANT бросать-CV.ANT
ork-xla-m
 класть-CV.SUCC-P.1SG
 ‘<...> когда я кинул камень {в змею}’ (14_xitryj_muzhik.018).

В разговорном варианте калмыцкого языка сложный глагол *V-ad ork-* не имеет лимитативного значения (представленного в литературном варианте, см. выше пример (7) со стативным глаголом *külä-* ‘ждать’). Материалы анкет показывают, что в устной речи глагол *ork-* может использоваться в сочетании с глаголами неопределенных процессов (9) или состояний (10).

- (9) ^{OK}*gentkən* *mana* *telefo-n* *ködl-äd*
 неожиданно мы.GEN телефон-EXT работать-CV.ANT
orkə-v
 класть-PST
 ‘Мой телефон неожиданно заработал {хотя его никто не чинил}’.

- (10) *ok kövü-n düüv-än külä-väd*
 мальчик-EXT младший.брат-REFL ждать-CV.ANT
orkə-v
 класть-PST
 ‘Мальчик вдруг стал ждать братишку’.

Такие сложные глаголы указывают на начало ситуации. Сложный глагол вносит значение предела и для непредельных и стативных предикатов таким пределом оказывается начальная (а не конечная, как в сочетаниях с аффиксом комплетива у предельных глаголов) точка. Сложный глагол позволяет заполнить лакуну в исходных акциональных свойствах глагола. Как и указано у Г. Д. Санжеева, *V-ad ork-* имеет дополнительное значение внезапности; часто использование сложного глагола возможно только в переносном значении. Употребление в этих случаях нейтрального способа — аффикса *-čkə* — признается информантами нежелательным.

Глагол *ork-* достаточно далеко зашел по пути грамматикализации. Он не встречается в самостоятельном употреблении (обычно употребляется глагол *täv-* ‘ставить, класть’)⁸, не используется в составе синонимических бивербальных конструкций (вроде ‘ставить, положив’). Кроме того, сложный глагол с вершиной *ork-* имеет ряд ограничений: в частности, невозможно отрицание сложного глагола (11), каузативация сложного глагола.

- (11) **eckə-m nan-də bičəg bič-čə ork-sən*
 отец-P.1SG я.DAT письмо писать-CV.IPFV класть-PC.PST
uga
 NEG.COP
 ‘Отец не написал мне письмо’.

Морфосинтаксические ограничения сложных глаголов с вершиной *ork-* и неиспользование *ork-* в качестве смыслового глагола в устном варианте калмыцкого языка, как кажется,

⁸ Глагол *täv-* ‘ставить, класть’ иногда используется и в составе сложных глаголов и, по-видимому, выражает то же значение, что и конструкции с *ork-*, однако таких употреблений в текстах недостаточно для отдельного описания.

согласуются с трактовкой происхождения аффикса *-čkə* в результате морфологизации (утраты единицей лексической самостоятельности). В письменном, более консервативном по определению, варианте калмыцкого языка этот процесс происходит несколько медленнее; характерно, что глагол *ork-* сохраняется в составе конструкции с разделительным деепричастием, выражающей разные значения перфективной зоны (конструкции с деепричастием на *-ad* в калмыцком языке ближе к свободным бивербальным сочетаниям).

2.2. Глагол *od-* ‘уходить’

Глагол *od-* ‘уходить’ встречается в текстах как в одиночном употреблении, так и в составе сложных глаголов в качестве вершины. Глагол *od-* сочетается с соединительным деепричастием на *-žə*:

- (12) *basejn xu meklä bol-žə*
 колодец совсем лягушка уходить.EVD
očə
 становится-CV.IPFV
 ‘В колодце лягушек полно стало’ (lĵagushki.007).

Сочетания с разделительным деепричастием на *-ad* иногда допускаются в сложных глаголах, передающих пространственные отношения, однако используются эти формы крайне редко (в текстах только три примера сочетаний с разделительным деепричастием на *-ad* из 58 случаев употребления глагола *od-* в составе сложных глаголов):

- (13) <...> *övg-n-äsə türül-äd*
 старик-EXT-ABL быть.впереди-CV.ANT
od-ad sur-žə-na
 уходить-CV.ANT просить-PROG-PRS
 ‘<...> опередив (обойдя) деда, спрашивает’

Ниже рассматриваются сначала сложные глаголы движения с вершиной *od-* (в составе которых глагол *od-* сохраняет пространственное значение), а затем сложные глаголы с комплетивным значением.

2.2.1. Глагол *od-* ‘уходить’ в пространственном значении.
 Под **пространственным значением** глагола *od-* ‘уходить’

понимается одиночное употребление глагола *od-* ‘уходить’ и его использование в качестве вершины сложного глагола движения. Глагол *od-* ‘уходить, отправляться из дейктического центра’ в одиночном употреблении указывает на начало направленного движения в сторону от наблюдателя. Начальный пункт движения никогда не выражается, поскольку по умолчанию совпадает с дейктическим центром или говорящим; конечная точка чаще всего выражена дативом (14), несколько реже — директивом (15) или именной группой с послелогом *tal / talan* букв. ‘сторона / сторона-REFL’ (16).

- (14) ⟨...⟩ *вместе škol-də od-ča-na-vidən,*
 школа-DAT уходить-PROG-PRS-1PL
škol-asə ir-žä-nä-vidən
 школа-ABL приходить-PROG-PRS-1PL
 ‘Вместе в школу уходили, из школы приходили’
 (06_odekolon.026).

- (15) *mana-ɣur od-ad, xalun cä*
 мы.GEN-DIR уходить-CV.ANT жаркий чай
uu-xə-m
 пить-PC.FUT-COP.AFF
 ‘Пойдемте к нам пить горячий чай!’ (12_prostofilja.040).

- (16) ⟨...⟩ *burxə-n tal od-žə*
 бог-EXT сторона уходить-EVD
 ‘⟨...⟩ и пошел к Богу’ (29_mama.002, не публикуется).

Дативное оформление соответствует движению внутрь (и совпадает с выражением локализации в пространстве), тогда как оформление директивом или послелогом имеет значение движения по направлению к объекту.

Употребления глагола *od-* в качестве вершины сложного глагола в сочетании с другими глаголами движения составляют менее трети употреблений в текстах глагола *od-* в качестве вершины сложного глагола (17 из 58 случаев); в одиночном употреблении этот глагол встречается 39 раз. В пространственном значении глагол *od-* чаще всего сочетается с глаголами, указывающими на способ передвижения, такими как *güü-* ‘бежать’, *nis-* ‘лететь’, *mölk-* ‘ползать’, *öömə-* ‘плыть’ (как

правило, не обладающими семантикой направления движения; см. ниже раздел «Сложные глаголы движения»).

(17) *öd̄mæg-mödmæg* *ög-xlä* *güü-žə*
 хлеб-хлеб дать-CV.SUCC бежать-CV.IPFV
od-ad {...}
 уходить-CV.ANT
 ‘Когда давали хлеб-млеб, (мы) подбежали’ (03_semja.042).

(18) *bičkən* *šov̄u-n* *ürg-äd* *nis-žə*
 маленький птица-EXT вспархивать-CV.ANT летать-CV.IPFV
odə-v
 уходить-PST
 ‘Маленькая птица взлетела’.

Гораздо реже глагол *od-* ‘уходить’ сочетается с глаголами движения, обладающими собственным направлением (*var-* ‘выходить’, *or-* ‘входить’). Подобных примеров в текстах немного (3 случая) и они имеют переносное значение:

(19) *ätə-n^j* *var-čə* *od-na*
 жизнь-Р.3 выходить-CV.IPFV уходить-PRS
 ‘Вышел дух {т. е. умер}’ (12_prostofilja.041).

(20) *zavsə* *id-xlä,* *ter* *küükə-d*
 рыба есть-CV.SUCC тот девочка-DAT
küün-də *or-žə* *oč*
 человек-EXT-DAT входит-CV.IPFV уходить.EVD
 ‘Когда (девушка) съела рыбу, душа в девушку вошла’
 (25_ryba.005, не публикуется).

Сочетания глагола *od-* ‘уходить’ с глаголами движения служат источником грамматикализации *od-* в качестве аспектуального показателя. В зависимости от акциональных свойств зависимого глагола сложный глагол либо имеет значение начала движения (см. выше пример (18) с ингрессивно-непредельным глаголом *nis-* ‘летать’), либо указывает на момент достижения предела движения (с сильными предельными глаголами *var-* ‘выходить’, *or-* ‘входить’).

2.2.2. Глагол *od-* ‘уходить’ в комплетивном значении.
 Комплетивное значение реализуется в сочетаниях глагола *od-* не

с глаголами движения. Грамматики относят *od-* ‘уходить’ к числу глаголов, передающих законченный вид, «полноту проявления действия» [Пюрбеев 1977: 113]. В зависимости от предельности или неопределенности смыслового глагола *od-* указывает на достижение предела (21) или привносит инхотативное значение (22); в последнем случае информанты часто переводят на русский конструкции с *od-* с помощью русской приставки *за-*.

(21) *tiig-äd kel-in cacu amə-n^j*
 делать.так-CV.ANT язык-GEN как.только рот-P.3
kooci-žə oč
 деформироваться-CV.IPFV уходить.EVD
 ‘Как только произнесла это, ее рот исказился’ (17_tabu.04).

(22) *Baatr asx-n-a arvə-n neg-n čas-la*
 Батыр вечер-EXT-GEN десять-EXT один-EXT час-COM
unt-ž od-la
 спать-CV.IPFV уходить-REM
 ‘Батыр заснул в одиннадцать часов вечера’.

Процесс десемантизации *od-*, по-видимому, охватывал сначала сочетания с глаголами движения и глаголы, допускающие значение ‘отправиться делать Р’, а затем распространился на остальные непереходные глаголы, однако сейчас для использования конструкции не требуется пространственного контекста, а биклаузальное прочтение ‘отправиться делать Р’ запрещено; для примера (22) неприемлем перевод ‘пошел спать’. Однако пространственная семантика глагола *od-* проявляется не только в составе сложных глаголов движения, но и в сочетаниях с глаголами, обозначающими изменение положения в пространстве:

(23) *tiig-äd ter ber-in amə-n*
 делать.так-CV.ANT тот сноха-GEN рот-EXT
orəm-d-an suu-žə oč,
 место-DAT-REFL сидеть-CV.IPFV уходить.EVD
нормальный стал
 ‘И тогда рот этой невестки встал на место, нормальный стал’ (17_tabu.06).

В сочетаниях с глаголами, чья лексическая семантика не содержит компонент движения или изменения положения в пространстве, глагол *od-* ‘уходить’ значительно десемантизирован. Исходная семантика ‘удаления, отправления, начальной точки движения’ проявляется, во-первых, в инхоативной трактовке ситуации (с неопредельными процессами и состояниями), а во-вторых, в тенденции к сочетанию с глаголами, описывающими различные ситуации исчезновения, прекращения существования или деформации объекта, что может метафорически осмысливаться как **уход**:

- (24) *terə ükrə-nⁱ tuxəl-ta-van ük-č*
 тот корова-Р.3 теленок-ASSOC-REFL умереть-CV.IPFV
oč
 ходить.EVD
 ‘Эта корова вместе с теленком сдохла’ (08_konflikt.026).

Лексические свойства глагола определяют частотность сложного глагола (с глаголами ‘гнить’ или ‘умирать’ *od-* используется чаще, чем с другими одноместными пациентивными глаголами, например, ‘звенеть’ или ‘цвести’, но последние вполне допустимы), однако в ряде случаев можно говорить о лексической избирательности конструкции. Информанты, как правило, запрещают использование *od-* с глаголом *tör-* ‘рождаться’ и для передачи соответствующего смысла предлагают сложный глагол с вершиной *var-* ‘выходить’.

- (25) *en äm-tən Sibir-tə*
 этот жизнь-ASSOC.COLL Сибирь-DAT
*tör-žə varə-v / *odə-v*
 рождаться-CV.IPFV выходить-PST уходить-PST
 ‘Эти люди родились в Сибири’.

Обнаруживается тенденция к дополнительному распределению *od-* и *ork-* / аффикса *-čkə*: конструкции с глаголами *od-* ‘уходить’ и в пространственном, и в комплетивном значении не сочетается с переходными

глаголами⁹, тогда как аффикс *-čkə* присоединяется преимущественно к переходным глаголам.

Распределение сложных глаголов с *od-* и *ork-* / *-čkə* служит дополнительным средством различения глаголов с конечным *-r* / *-l*, входящих в эквиолентную каузативную оппозицию. Глаголы на *-r* — непереходные. В калмыцком языке представлено несколько подобных пар, например, *tasər-* ‘отрываться’ и *tasəl-* ‘отрывать’, *šuur-* ‘рваться’ и *šuil-* ‘рвать’, *xamxər-* ‘ломаться’ и *xamxəl-* ‘ломать’ и др. С непереходными глаголами на *-r* для выражения комплетивного значения регулярно используется глагол *od-*:

- (26) *suulvə xamxər-žə odə-v* /
 ведро ломаться-CV.ANT уходить-PST
**xamxər-čkə-v*
 ломаться-COMPL-PST
 ‘Ведро сломалось’.

С парным переходными глаголом на *-l* допустимы только аффикс *-čkə* или глагол *ork-*:

- (27a) *Badma köl-än xamxəl-čkə-v* / ^{OK}*xamxəl-žə*
 Бадма нога-REFL ломать-COMPL-PST ломать-CV.IPFV
orkə-v
 класть-PST
 ‘Бадма сломал ногу’.

- (27б) **Badma köl-än xamxəl-žə odə-v*
 Бадма нога-REFL ломать-CV.IPFV уходить-PST
 ‘Бадма сломал ногу’.

Кроме того, лабильный глагол *xääl-* ‘таять’ и ‘топить’ в значении ‘таять’ сочетается только с глаголом *od-*, а в значении ‘топить’ — с глаголом *ork-* / аффиксом *čkə-* :

⁹ За исключением выражения *sää-vän xää-žə od-* (добро-P.REFL искать-CV.IPFV уходить) ‘умереть’ (букв.: ‘свое добро искать уйти’), дважды встретившегося от одного информанта (27_celiteli.04, 29, не публикуется).

- (28a) *gentkən* *caasə-n* *xääl-ǰə* *odə-v*
 неожиданно снег-ЕХТ таять-CV.IPFV уходить-PST
 ‘{Выглянуло солнце} и внезапно снег растаял’.
- (28б) **gentkən* *caasə-n* *xääl-čkə-v* / *xääl-ǰə*
 неожиданно снег-ЕХТ таять-COMPL-PST таять-CV.IPFV
orkə-v
 класть-PST
 ‘{Выглянуло солнце} и внезапно снег растаял’.
- (29a) *bi* *tosə* *xääl-čkə-v* / ^{OK}*xääl-ǰə*
 я.NOM масло таять-COMPL-1SG таять-CV.IPFV
orkə-v
 класть-1SG
 ‘Я растопила масло {на сковородке}’.
- (29б) **bi* *tosə* *xääl-ǰə* *odə-v*
 я.NOM масло таять-CV.IPFV уходить-1SG
 ‘Я растопила масло {на сковородке}’.

Распределение близких по семантике вспомогательных глаголов в зависимости от переходности / непереходности смыслового глагола наблюдается и в других языках. Возможно как использование пары глаголов, различающихся только переходностью (ср. в ряде тюркских языков употребление ЗАКОНЧИТЬ и ОСТАВИТЬ с переходными и ЗАКОНЧИТЬСЯ, ОСТАТЬСЯ — с непереходными [Насилов 1989]), так и использование разных грамматикализовавшихся глаголов (ср. в индоарийских языках сочетания ДАВАТЬ, БРАТЬ с переходными глаголами и ИДТИ, УХОДИТЬ с непереходными; подобное распределение иногда называют «гармонией по переходности» [Майсак 2005: 324–325]).

В калмыцком языке более строгим является требование сочетания переходного глагола в качестве вершины с другим переходным. Сочетания аффикса *-čkə* или глагола *ork-* с непереходными глаголами категорически не признаются информантами, тогда как сложные глаголы с вершиной *od-* ‘уходить’ и переходными зависимыми глаголами иногда

встречаются, хотя подтверждаются не всеми информантами¹⁰. Другие непереходные глаголы в функции вершины (*bää-* ‘быть’, *kevt-* ‘лежать’, *suu-* ‘сидеть’) используются в текстах и в функции вершины в составе сложного глагола с переходными глаголами (хотя количественно преобладают сочетания с другими непереходными), тогда как для употребления сложного глагола с переходным глаголом *av-* ‘брать’ нередко используется каузативная зависимой формы глагола (см. подробнее [Сай а, настоящий сборник]).

2.2.3. *Степень грамматикализации конструкций с глаголом od-* ‘уходить’. Глагол *od-* достаточно сильно грамматикализован. На синхронном уровне в калмыцком языке сосуществуют различающиеся семантически и морфосинтаксически сочетания *od-* ‘уходить’ с другими глаголами движения и сложные глаголы, в которых *od-* ‘уходить’ привносит не пространственную, а аспектуальную семантику.

Частотная форма эвиденциального прошедшего от *od-* ‘уходить’ используется в разговорной речи в стяженной форме *оцә* (*od-čә*, уходить-EVD) и демонстрирует тенденцию к фонетическому слиянию с формой соединительного деепричастия (в частности, выстраивается по сингармоническому ряду, произносится с одним ударением), т. е. находится на пути морфологизации (ср. комплетив *-čкә* и прогрессив *-žә*). В настоящее время фонетические различия (реализация глагола *od-* как клитики или отдельной лексемы) зависят от формы глагола, темпа речи и идиолекта. Сложные глаголы движения с вершиной не образуют слитной формы.

Сложные глаголы с вершиной *od-* в аспектуальном значении имеют ряд морфосинтаксических ограничений: в частности, невозможно отрицание сложного глагола с *od-* в качестве вершины:

- (30) **Badma kögšәr-ž* *od-sән* *uga*
 Бадма стареть-CV.IPFV уходить-PC.PST NEG.COP
 ‘Бадма не постарел’.

¹⁰ Эти формы встречаются, в частности, в текстах, записанных от Ф.С. Шарваева (04_svinja, 15_chjort и др.); возможно, они являются особенностью идиолекта данного носителя.

Сложные глаголы с пространственным значением допускают отрицание (отрицание относится ко всему сложному глаголу), как в примере:

- (31) *küükəd kičäl-äsə güüi-žə od-sən*
 дети урок-ABL бежать-CV.IPFV уходить-PC.PST
uga
 NEG.COP
 ‘Дети не убежали с урока’.

Сложные глаголы с пространственной семантикой могут присоединять показатель *-gdə*¹¹ (со значением долженствования (32), см. о семантике пассивного показателя статью А. В. Выдриной [Выдрина, настоящий сборник]). Показатель пассива находится либо на вершине, либо на обоих глаголах. Сложные глаголы с комплетивной семантикой не допускают пассивизации.

- (32) *OK nandə ödər bolxən Elstə or-žə*
 я.DAT день каждый Элиста входит-CV.IPFV
od-gd-na / or-gd-žə od-gd-na
 уходит-PASS-PRS входит-PASS-CV.IPFV уходит-PASS-PRS
 ‘Мне приходится ездить в Элисту каждый день’.

2.3. Семантика и распределение сложных глаголов в перфективной зоне

Для калмыцкого языка центральным значением перфективной зоны является комплетив; для предельных ситуаций комплетивное прочтение означает момент достижения высшей точки, а для неопредельных в качестве предела выделяется начальная точка. Комплетив выражается синтетически: аффиксом *-čkə*, восходящим, предположительно, к сочетанию соединительного деепричастия с глаголом *ork-*, и сложными глаголами с *od-* ‘уходить’, сочетающимся с непереходными глаголами. Комплетивные показатели (аффикс

¹¹ В оформлении сложных глаголов показатели каузатива, пассива *-gdə*, социатива *-lcə*, реципрока *-ldə* и глагольной множественности *-cxa* ведут себя одинаково, поэтому в каждом случае приводятся семантически наиболее естественные примеры.

-čkə и аналитические конструкции с глаголом *ork-* ‘класть’ и *od-* ‘уходить’) не могут сочетаться друг с другом.

В настоящее время конструкция с глаголом *ork-* почти не используется, а морфологизованный вариант чрезвычайно частотен (сложный глагол с *ork-* встретился в текстах один раз, с вершиной *od-* в аспектуальном значении — 41 раз, тогда как аффикс *-čkə* — 135 раз). В литературном калмыцком используется сочетание глаголом *ork-* с разделительным деепричастием на *-ad*, выражающее разные значения перфективной зоны (комплетивное или лимитативное)¹². В устном варианте она встречается крайне редко, но предложенные информантам примеры показывают, что в составе сложного глагола *V-ad ork-* неопределённые глаголы, плохо сочетающиеся с аффиксом *-čkə*, получают значение вступления в начальную фазу и, таким образом, выступают как предельные. Сложный глагол позволяет передать дополнительные оттенки внезапности начала действия или указывает на то, что глагол используется в переносном значении.

3. Сложные глаголы со значением бенефактива

Глаголы *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ в качестве вершины сложного глагола сочетаются с соединительным деепричастием на *-žə*:

- (33) <...> *ee čini žirvəl-čən tiimə, oda iigžə*
ээ ты.GEN жизнь-P.2SG такой сейчас так
med-žə avə-Ø
знать-CV.IPFV брать-IMP

‘Такова твоя судьба, теперь ты это пойми’ (10_bulqun.013).

В текстах встречается 25 сочетаний с соединительным деепричастием на *-žə* и 5 случаев с разделительным деепричастием на *-ad* для глагола *av-* ‘брать’ и 11 сочетаний с деепричастием на *-žə* из 13 случаев употребления глагола *ög-* ‘дать’ соответственно. Конструкции с разделительным

¹² В зависимости, по-видимому, от акциональных свойств глагола, однако особенности литературного калмыцкого не рассматривались специально.

деепричастием на *-ad* близки свободным синонимическим сочетаниям (34); в частности, в этих случаях информанты допускают изменение порядка слов (несколько иначе этот материал анализирует Д. Ф. Мищенко, [Мищенко, настоящий сборник]).

- (34) *xojr vuvə-n aavə sac-ad ög-äd* <...>
 два три-ЕХТ чашка бросать-CV.ANT дать-CV.ANT
 ‘Две-три пиалы разбрасывает {дает курице корм}’
 (13_kurica.006)

Глаголы *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ в качестве вершин сложного глагола сочетаются преимущественно с переходными глаголами.

Как уже упоминалось, М. Д. Онджанова рассматривает глаголы *ög-* ‘дать’ и *av-* ‘брать’ как показатели **законченного вида** с дополнительным значением ‘совершения действия в чьих-то интересах’ или ‘для себя’ соответственно [Онджанова 1969], однако экспедиционные материалы показывают, что перфективная семантика не свойственна сложным глаголам с вершинами *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ в сочетании с одушевленным субъектом (см. ниже о конструкциях с вершиной *av-* ‘брать’ и неодушевленном субъекте). Перфективное или имперфективное прочтение сложного глагола с вершиной *ög-* ‘дать’ или *av-* ‘брать’ зависит от сочетания с аспектуальными аффиксами; перфективная семантика возникает в сочетании с аффиксом комплетива *-čkə*:

- (35) *övgə-n saxl-an xus-čə av-čkə-v*
 старик-ЕХТ борода-REFL брить-CV.IPFV брать-COMPL-PST
 ‘Старик побрился’.

Без аффикса комплетива сложный глагол с вершинами *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ имеет имперфективное прочтение, зависящее от формы сложного глагола (хабитуальное в форме настоящего времени (36)–(37), актуально-длительное в сочетании с аффиксом прогрессива (38)).

- (36) *Badma ödär bolxən saxl-an xus-čə*
 Бадма день каждый борода-REFL брить-CV.IPFV
av-na
 брать-PRS
 ‘Бадма каждый день бреется’.
- (37) *Badəm asxə-n bolxən egč-t-än*
 Бадма вечер-EXT каждый старшая.сестра-DAT-REFL
degtər umš-čə ög-na
 книга читать-CV.IPFV дать-PRS
 ‘Бадма каждый вечер читает сестре книгу’.
- (38) *namagə örä-də or-x-tə Badəm*
 я.ACC комната-DAT входит-PC.FUT-DAT Бадма
saxl-an xus-čə av-ča-la
 борода-REFL брить-CV.IPFV брать-PROG-REM
 ‘Когда я вошел в комнату, Бадма брился’.

Сложные глаголы с вершинами *av-* ‘брать’ и *ög-* ‘дать’ имеют не перфективное, а бенефактивное значение. Для сложного глагола с вершиной *ög-* ‘дать’ основное значение — бенефактив, а для сложных глаголов с вершиной *av-* ‘брать’ — значение рефлексивного бенефактива (или, в другой терминологии, косвенно-объектного бенефактива).

Сложный глаголы с *ög-* ‘дать’ означает, что в ситуацию включен бенефактивный участник, не совпадающий с агенсом (‘субъект совершает Р для X’):

- (39a) *Badma taxə šar-žə ögə-v*
 Бадма мясо жарить-CV.IPFV дать-PST
 ‘Бадма пожарил мясо {не себе, кому-то другому}’.
- (39б) *Badma nan-də taxə šar-žə ögə-v*
 Бадма я-DAT мясо жарить-CV.IPFV дать-PST
 ‘Бадма пожарил мне мясо’.

В сложных глаголах со значением рефлексивного бенефактива бенефициент и субъект совпадают:

- (40a) *Ajsa taxə šar-žə avə-v*
 Айса мясо жарить-CV.IPFV брать-PST
 ‘Айса пожарила мясо {для себя}’.

- (40б) *Ajsa bij-d-än* *maxə šar-žə* *avə-v*
 Айса тело-DAT-REFL мясо жарить-CV.IPFV братъ-PST
 ‘Айса себе пожарила мясо’.

Конструкции с *av-* ‘братъ’ и *ög-* ‘дать’ вводят нового участника, однако он обязателен лишь семантически; синтаксическое выражение бенефицианта факультативно, как в примерах (40а) и (40а). В сложных глаголах с *ög-* ‘дать’ бенефактивный участник все же, как правило, выражен (если он не очевиден из контекста), тогда как в контекстах вроде (40б) возвратное местоимение *bijdän* появляется лишь в случае эмпазы. При невыраженном бенефактивном участнике выбор сложного глагола отражает совпадение или несовпадение бенефактивного участника и субъекта действия.

Конструкции с глаголами *av-* ‘братъ’ и *ög-* ‘дать’ отличаются от других сложных глаголов влиянием главного глагола на аргументную структуру. Для большинства сложных глаголов оформление аргументов продиктовано управлением зависимого глагола, линейно примыкающего к аргументам (в сложных глаголах с *od-* ‘уходить’ и *ork-* ‘класть’ дополнительно учитывается переходность / непереходность главного глагола). Сложные глаголы с *av-* ‘братъ’ и *ög-* ‘дать’ представляют собой собственно (clause union) в результате которого образуется новая аргументная структура (возвращаясь к примерам (39) и (40) управление глагола *šar-* ‘жарить’ не содержит участника в дативе, т. е. сложный глагол дает возможность выразить хотя бенефактивного участника).

Оба глагола — и *av-* ‘братъ’ и *ög-* ‘дать’ частично сохраняют исходную семантику передачи; о том, что перед нами сложный глагол свидетельствует только порядок слов и единая аргументная структура. Конструкции лучше всего сочетаются с глаголами, подразумевающими физическую или метафорическую передачу:

- (41) *enə tuulⁱ-igə* *bi* *ee-ž-äsə* *med-žə*
 этот сказка-ACC я.NOM бабка-ABL знать-CV.IPFV
av-u-v
 братъ-PST-1SG
 ‘Эту сказку я узнала от бабушки’.

Оба глагола не полностью десемантизованы: они не допускают малефактивных значений, не сочетаются с глаголами, предполагающими утрату чего-либо (вроде *gee-* ‘терять’).

Развитие бенефактивных значений является, пожалуй, самым частым направлением грамматикализации глагола ДАТЬ в языках мира [Heine, Kuteva 2002: 149], тогда как для глагола БРАТЬ конструкции со значением рефлексивного бенефактива не относятся к числу распространенных путей грамматикализации; БРАТЬ часто грамматикализуется в показатели комплетива [Heine, Kuteva 2002: 286–287]. Нередко в одном языке ДАТЬ и БРАТЬ параллельно грамматикализируются в составе синонимичных (или относящихся к одной семантической зоне) конструкций: ДАТЬ и БРАТЬ образуют формы каузатива или пермиссива (ср. пермиссивные и гортативные конструкции в русском языке: [Подлесская 2004; Podlesskaya 2006]); способствуют повышению транзитивности непереходных глаголов [Heine, Kuteva 2002: 287].

Строго говоря, значительно грамматикализованный бенефактив преобразует актантную структуру исходного глагола, т. е. относится к области актантной деривации, а не аспекта, однако бенефактивные значения, выражаемые сложными глаголами, во многих языках совмещены с аспектуальными значениями. Сочетание семантики бенефактива / рефлексивного бенефактива с теми или иными значениями перфективной зоны характерно для тюркских языков: например, в чувашском *al-* / *il-* ‘брат’ образуют лексикализации со значением рефлексивного бенефактива и конструкции, имеющие значение лимитатива, семейфактива или отмененного результата (в зависимости от акциональных свойств глагола; см. [Шлуинский 2005: 220]).

В монгольских языках представлены разные варианты грамматикализации ДАТЬ и БРАТЬ в бенефактивном и комплетивном значениях, например, в монгольском языке Внутренней Монголии для глагола ‘дать’ отмечается бенефактивное значение, а для ‘брат’ — только значение полной завершенности [Chuluu 1998: 120]; в халха-монгольском представлены бенефактив и рефлексивный бенефактив [Кузьменков 1984].

Калмыцкие сложные глаголы с вершиной *ög-* ‘дать’ и с вершиной *av-* ‘брать’ не симметричны: *av-* ‘брать’ чаще встречается в составе сложных глаголов, чем *ög-* ‘дать’ (в независимом употреблении они используются примерно с равной частотой, ср. выше). Глагол *av-* с деепричастием на *-žə* иногда образует стяженную форму *-žä-və* (42); сложные глаголов с *ög-* не подвергаются фонетическим трансформациям.

- (42) *bičk-düd* *muzej-də* *ir-äd*
ребенок-PL музей-DAT приходить-CV.ANT
olən *sonʰn* *jumə*
разнообразный интересный вещь
xälä-žä-və = (*xälä-ž* *avə-v*)
смотреть-CV.IPFV-брать.PST
‘Дети пришли в музей и рассмотрели много интересного’.

Сочетания *ög-* ‘дать’ с неодушевленным субъектом не допускаются носителями, тогда как с вершиной *av-* ‘брать’ возможны, и в этом случае сложный глагол имеет комплетивную интерпретацию (рефлексивно-бенефактивная интерпретация с неодушевленным субъектом невозможна):

- (43) *čejnik-tə* *usə-n* *busəl-žə* *avu-v*
чайник-DAT вода-EXT кипеть-CV.IPFV брать-PST
‘Вода в чайнике вскипела’ / *‘Кипела для себя’.

Интерпретация сложного глагола как рефлексивный бенефактива затруднена прежде всего прагматически, однако информанты не допускают ее и в качестве языковой игры. Сочетания *ög-* ‘дать’ с неодушевленным субъектом не имеют комплетивной интерпретации и признаются допустимыми лишь в бенефактивном значении в качестве языковой игры:

- (44) ^{OK} *telefo-n* (*madn-də*) *žijn-žə* *ögə-v*
телефон-EXT (мы-DAT) звенеть-CV.IPFV дать-PST
‘Телефон позвонил {наконец-то соизволил нам позвонить}’.

Таким образом, у одного из этих глаголов с расширением сочетаемости появляется перфективная семантика в сочетании с неодушевленным субъектом.

Сложный глагол *av-* ‘брать’ сочетается с ограниченным числом зависимых глаголов, т. е. близок лексикализациям (некоторые лексикализации, например *xuld-žə av-* (продавать-CV.IPFV брать) ‘покупать’, возникают на основе сложных глаголов с *av-* ‘брать’). Сложный глагол с *av-* ‘брать’ регулярно противопоставляет предельное ‘поймать’ и непредельное ‘ловить’ прочтения глагола *bärə-* ‘ловить, держать, поймать’:

(45a) *bi miis-in kičəg bärə-v*
 я.NOM кошка-GEN щенок держать-PST
 ‘Я ловила котенка {неизвестно, поймала или нет}’.

(45б) *bi miis-in kičəg bär-žə avu-v*
 я.NOM кошка-GEN щенок держать-CV.IPFV брать-PST
 ‘Я поймала котенка’.

Часто используется сложный глагол *ol-ž av-* (искать-CV.IPFV брать) ‘найти’ (последняя форма не противопоставлена непредельному варианту, так как глагол *ol-* ‘искать, найти’ вне сложного глагола встречается крайне редко; непредельный процесс передает глагол *xää-* ‘искать’).

Отрицание сложных глаголов с *ög-* ‘дать’ встречается не очень часто в силу прагматических причин, поскольку говорящему сравнительно редко нужно специальное указать бенефицианта несостоявшегося действия, однако грамматически подобные конструкции вполне допустимы. Отрицание сложных глаголов с *ög-* ‘дать’ иногда интерпретируется как специальное указание на нежелание субъекта совершить действие. Сфера действия отрицания включает прежде всего значение самого глагола, а не только бенефактивности; для примера (46) запрещено толкование ‘Спела не мне’.

(46) *Nina (nan-də) duul-žə ög-sən uga*
 Нина (я.DAT) петь-CV.IPFV дать-PC.PST NEG.COP
 ‘Нина (мне) не спела {отказалась петь, не захотела}’.

Отрицание сложных глаголов с *av-* ‘брать’ тоже ограничено не структурно, а прагматически. Достаточно регулярно встречается отрицание сложных глаголов с *av-* ‘брать’, близких

лексикализациям (с *bär-* ‘ловить’), или лексикализаций собственно (*xuld-žə av-* (продавать-CV.IPFV брат) ‘покупать’).

4. Сложные глаголы с вершиной *xaj-* ‘бросать’

Глагол *xaj-* ‘бросать’ в качестве вершины сложного глагола сочетается с переходными глаголами. Конструкции с глаголом *xaj-* ‘бросать’ не упоминаются в калмыцких грамматиках [Пюрбеев 1977; Санжеев 1983]; как уже было сказано, в работе М. Д. Онджановой *xaj-* ‘бросать’ перечислен в числе вспомогательных глаголов, образующих «законченный вид» [Онджанова 1969], однако полевые материалы показывают, что сложный глагол с вершиной *xaj-* ‘бросать’ не выражает собственно перфективных значений. Сложный глагол с вершиной *xaj-* ‘бросать’ не входит в парадигму перфективных показателей и часто сочетается с комплетивным аффиксом *-čkə*, который и вносит в итоговую конструкцию перфективную семантику. Дополнительно влияют акциональные свойства самого сильного предельного глагола *xaj-* ‘бросать’.

Основное значение сложного глагола — обозначение интенсивности действия (47) или полного охвата объекта (48):

- (47) *kövü-n eck-äsn ää-väd*
мальчик-EXT отец-ABL.REFL бояться-CV.ANT
xaj-žə-na
бросать-PROG-PRS
‘Мальчик {сильно} боится отца’.

- (48) *sarçaxa urvə id-äd xaj-žə-na*
саранча урожай есть-CV.ANT бросать-PROG-PRS
‘Саранча пожирает {весь} урожай’.

Сложный глагол часто используется с неисчисляемыми объектами (как в примере (48)). Сложный глагол с *xaj-* ‘бросать’ с квантованными объектами может выражать значение дистрибутивной объектной множественности (близкое русским формам ‘поразбросать’). Сложный глагол с вершиной *xaj-* часто сочетается с кванторами всеобщности или указанием на множественность объектов (49а), но не допускает указание на единственность объекта (49б).

(49a) *bi cig aavə-savə xatxl-ad*
 я.NOM весь посуда ломать-CV.ANT
xaj-čkə-v
 бросать-COMPL-1SG
 ‘Я все чашки перебила’.

(49б) **bi neg aavə xatxl-ad xaj-čkə-v*
 я.NOM одну чашку ломать-CV.ANT бросать-COMPL-1SG
 ‘Я разбила одну чашку’.

Сложный глагол с вершиной *xaj-* ‘бросать’ также не сочетается с обстоятельством кратности:

(50) **noxə Badma-gə xojr dākəžə zuu-vad*
 собака Бадма-ACC два раз кусать-CV.ANT
xaj-čkə-v
 бросать-COMPL-PST
 ‘Собака дважды укусила / искусала Бадму’.

С мультипликативными глаголами сложный глагол с вершиной *xaj-* представляет действие как череду квантов, повторение одной и той же ситуации с тем же набором участников (‘бить’, ‘целовать’). В этих случаях часто используются редуцированные формы деепричастия на *-žə* (редупликация — один из частых способов выражения в языках мира мультипликативных значений и, шире — глагольной множественности).

(51) *Bajrta küük-än üms-äd / üms-č*
 Байрта девочка-REFL целовать-CV.ANT целовать-CV.IPFV
üms-čə xaj-čkə-v
 целовать-CV.IPFV бросать-COMPL-PST
 ‘Байрта зацеловала дочку’.

Рассмотренные примеры показывают, что сложный глагол с вершиной *xaj-* ‘бросать’ не относится к перфективной зоне. В зависимости от лексической семантики и акциональных свойств зависимого глагола сложный глагол имеет одно или несколько из близких значений интенсива, тотального охвата задействованного объекта, предполагает дистрибутивную объектную множественность или имеет мультипликативное

прочтение, т. е. связан с количественными, а не с линейными аспектуальными значениями (см. о видах количественного аспекта [Храковский 1989; Шлуинский 2005]).

Глагол *xaj-* ‘бросать’ в составе сложных глаголов в некоторых контекстах не полностью десемантизирован: информанты осознают связь со значением ‘бросать, швырять’. Например, этот сложный глагол часто используют при описании деструктивных действий, особенно предполагающих бросание, как в приведенном выше примере (49). Существуют лексические ограничения на сочетаемость: сложный глагол с вершиной *xaj-*, как правило, имеет дополнительный пейоративный оттенок, содержит негативную оценку события. В литературных текстах эта конструкция не встретилась; носители языка оценивали ее как разговорную и даже грубую.

- (52) *mini egčə dala kino*
я.GEN старшая.сестра много фильм
xälä-väd xaj-čk-čə
смотреть-CV.ANT бросать-COMPL-EVD
‘Моя сестра пересмотрела много фильмов {тратила время на пустяки}’.

Морфосинтаксические свойства сложного глагола с вершиной *xaj-* ‘бросать’ также свидетельствуют об относительно слабой степени грамматикализации. Зависимый глагол стоит в форме разделительного деепричастия на *-ad* (и иногда в редуцированной форме соединительного деепричастия на *-žə*, см. выше пример (49)); разделительное деепричастие на *-ad* чаще используется в свободных бипредикативных сочетаниях, а не в составе сложных глаголов (см. о семантике разделительного деепричастия статью Д. Ф. Мищенко [Мищенко, настоящий сборник]).

Возможно отрицание сложных глаголов с вершиной *xaj-* ‘бросать’ (семантически примеры вроде (53) не слишком естественны, но допускаются информантами).

- (53) ^{OK} *Badma gerg-än cok-ad xaj-sən*
 Бадма жена-REFL ударить-CV.ANT бросать-PC.PST
uga
 NEG.COP
 ‘Бадма не избивал жену’.

Аффиксы актантной деривации располагаются на зависимом глаголе, а не на вершине:

- (54) <...> *mal-salə var-ʋ-ad*
 скот.разных.видов выходить-CAUS-CV.ANT
xaj-čk-əv
 бросать-COMPL-1SG
 ‘(Павший) скот выбрасывали’ (03_semja.035).

5. Имперфективная зона

5.1. Общие свойства имперфектива в калмыцком языке

Основной синтетический способ выражения имперфективных значений в калмыцком языке — показатель прогрессива *-žə*, образующий в сочетании с показателями настоящего времени и отдаленного прошедшего времени не полностью композиционные формы *-žana* и *-žala* (о последней форме см. статью К. В. Гото [Гото, настоящий сборник]). Показатель *-žə* восходит, по-видимому, к сочетанию соединительного деепричастия с глаголом *bää-* ‘быть’ [Bläzing 2003: 244], т. е. является результатом морфологизации сложного глагола. Кроме того, в калмыцком языке представлены сложные глаголы с имперфективной семантикой с вершинами *bää-* ‘быть’, *jov-* ‘ходить’, *kevt-* ‘лежать’ и *suu-* ‘сидеть’ (о возможности выражения этими глаголами «длительного вида» упоминает, в частности, Г. Д. Санжеев [Санжеев 1983: 192]). Глаголы *bää-* ‘быть’ и *jov-* ‘ходить’ используются как с соединительным деепричастием на *-žə*, так и с разделительным деепричастием на *-ad*; эти сочетания образуют различные сложные глаголы. Глаголы позиции (*kevt-* ‘лежать’, *suu-* ‘сидеть’) сочетаются только с разделительным деепричастием на *-ad*. Все перечисленные глаголы — непереходные и сочетаются как с переходными, так и с непереходными зависимыми глаголами,

хотя чаще используются с непереходными (см. выше в разделе 2.2.2 о «гармонии по переходности»).

В работах К. Эберт [Ebert 1999; Bertinetto et al. 2000] рассматривается семантика перечисленных выше сложных глаголов в соотношении с формой на *-žana* в рамках принятой авторами трехчленного деления на «сфокусированный» (focalized) **прогрессив**, «несфокусированный» **дуративный прогрессив**¹³ и **дуратива**. В отличие от дуративного прогрессива, собственно дуратив не допускает сфокусированного прочтения и сочетается не только с действиями, но и с состояниями. По мнению Бетринетто, Эберт и де Гроофа, в калмыцком языке сочетания соединительного деепричастия на *-žə* с глаголами *šov-* ‘ходить’ / *bää-* ‘быть’ образуют наиболее сфокусированные формы прогрессива, форма на *-žana* представляет собой дуративный прогрессив, а сочетания с разделительным деепричастием образуют не допускающий «сфокусированного» прочтения дуратив (сочетающийся не только с действиями, но и с состояниями), передающий различные значения продолжительности, градуальности или итеративности [Bertinetto et al. 2000: 544]. К. Эберт записывает структуру последней конструкции как ‘*-ad bää- /šov- suu- ...*’ [Ebert 1999: 334], предполагая, по-видимому, не только единую семантику этих сложных глаголов, но и возможность продолжения этого ряда. Такой подход позволяет показать близость сложных глаголов с одинаковыми формами, но разными вершинами, т. е. описать семантику конструкции в целом. Помимо этого, несмотря на близость имперфективных значений между собой и слабую специфицированность указанных выше конструкций, представляется перспективным анализ частных значений сложных глаголов имперфективной зоны в зависимости от исходной семантики грамматикализовавшегося глагола. Как показывают экспедиционные материалы, перечисленные выше сложные глаголы оказываются не полностью синонимичными

¹³ Сфокусированные употребления прогрессива описывают ситуацию в момент наблюдения, тогда как несфокусированный (дуративный) прогрессив предполагает, что ситуация может разворачиваться во времени и сочетается с обстоятельством длительности вроде ‘два часа’ [Bertinetto et al. 2000: 533].

друг другу и обладают различными сочетаемостными свойствами.

Далее я не буду использовать трехчленное деление (дуратив, дуративный и сфокусированный прогрессив); **дуративом** я буду называть различные типы неактуально-длительного толкования ситуации (в момент Т ситуация Р длится, то есть Р имело место до момента Т и будет иметь место после момента Т), а **прогрессивом** — способность иметь актуальное прочтение (в момент Т длительная динамическая ситуация Р актуально имеет место).

5.2. Глаголы позиции (*suu-* ‘сидеть’, *kevt-* ‘лежать’)

Превращение в имперфективные показатели — основное направление грамматикализации глаголов позиции СТОЯТЬ, СИДЕТЬ и ЛЕЖАТЬ в языках мира (см.: [Kuteva 2001; Newman 2002b]). Нередко в языке представлены синонимичные конструкции с двумя или даже тремя глаголами позиции; из этих глаголов чаще всего, по данным Т. А. Майсака, в языках мира грамматикализуется глагол СИДЕТЬ и реже всего — ЛЕЖАТЬ [Майсак 2005].

В калмыцком языке используются сложные глаголы с глаголами ‘лежать’ и, реже, ‘сидеть’ в сочетании с разделительным деепричастием на *-ad*. В других монгольских языках представлен различный набор глаголов позиции в составе сложных глаголов: в бурятском, по-видимому, наиболее грамматикализован глагол *хэвтэ-* ‘лежать’¹⁴, тогда как глагол ‘сидеть’ используется в качестве служебного в тех случаях, когда действие совершается субъектом в сидячем положении» [Санжеев 1962: 193]; в монгольском языке Внутренней Монголии отмечена только грамматикализация глагола ‘сидеть’, но не ‘лежать’ [Chuluu 1998].

Развитие у конструкций с глаголами позиции значения прогрессива / дуратива Т. Кутева объясняет кодированием пространственного положения физических объектов глаголами

¹⁴ Глагол ‘лежать’ в бурятском имеет дополнительный оценочный компонент, хотя и не совсем совпадающий с калмыцким. Сложный глагол предполагает, что действие совершается субъектом «при наличии затруднений, кое-как или медленно» [Санжеев 1962: 193].

СТОЯТЬ, СИДЕТЬ или ЛЕЖАТЬ (аналогичных русским выражением ‘чашка стоит’, ‘ложка лежит’). Во многих языках, допускающих использование глаголов позиции для обозначения пространственного положения неодушевленных объектов происходит кристаллизация (‘sedimentation’) подобных структур и развитие прогрессива у конструкций с глаголами позиции [Kuteva 2001: 51]. Для калмыцкого языка это объяснение не подходит, т. к. метафорическое использование глаголов позиции в непозиционном значении запрещено и для локализации неодушевленных объектов используется только глагол ‘быть’:

- (55) *kampadⁱ širä deerə bää-nä / *kevt-nä*
 конфета стол поверхность быть-PRS лежать-PRS
 ‘Конфеты лежат на столе’.

Глаголы позиции не в составе сложного глагола, а в одиночном употреблении используются только с одушевленными субъектами:

- (56) *Bulvə-n ванс-arn ger-t-än kevt-nä*
 Булгун-EXT один-INS.REFL дом-DAT-REFL лежать-PRS
 ‘Булгун одна лежит дома’ (10_Bulgun.014).

В составе сложного глагола запрет на неодушевленное подлежащее снимается. Вершина десемантизована, и сложный глагол не описывает не положение предмета в пространстве, а характеризует протекание действия:

- (57) *enə zurəg daŋgin un-ad kevt-nä*
 этот рисунок всегда падать-CV.ANT лежать-PRS
 ‘Эта картина все время падает’ / *‘Картина, упав, лежит’.
- (58) *enə ваза bää-xə хатханčəg täär-äd*
 этот снаружи быть-PC.FUT колючка резать-CV.ANT
хаж-čк-и-čэн ирв-ад суи-на
 бросать-COMPL-PST-PCL.CONC расти-CV.ANT сидеть-PRS
 ‘Только срезаешь колючку — она снова вырастает’ /
 *‘Колючка растет сидя’.

К. Эберт отмечает, что сочетания с глаголами позиции используются чрезвычайно редко и всегда сохраняют что-то

от своего буквального значения [Ebert 1999: 338], т. е. употребляются в контекстах типа *umš-ad suu- / kevt-* (читать-CV.ANT сидеть / лежать) ‘сидеть / лежать и читать’. Однако экспедиционные материалы демонстрируют гораздо большую десемантизацию *suu-* ‘сидеть’ и *kevt-* ‘лежать’ в составе сложных глаголов. Исходная семантика положения в пространстве (сидения или лежания) не подразумевается:

- (59) *dangin xö al-ad kevt-nä / suu-na*
 всегда овца убить-CV.ANT лежать-PRS сидеть-PRS
 ‘{Бадма любит принимать гостей и} постоянно режет овец’.

Более того, сложные глаголы с разделительным деепричастием на *-ad*, как правило, сочетаются именно с глаголами, не подразумевающими сидячее или лежачее положение, тогда как бипредикативное сочетание ‘делать Р лежа / сидя’ выражается сочетанием с соединительным деепричастием на *-žə*¹⁵:

- (60) *Ajsa büšmüd uj-žə suu-na*
 Айса платье шить-CV.IPFV сидеть-PRS
 ‘Айса сидит и шьет платье’

Глаголы позиции могут сочетаться с любыми динамическими глаголами, в том числе с глаголами движения:

- (61) *Manžə gerə erg-äd güü-väd*
 Манджи дом кружиться-CV.ANT бежать-CV.ANT
suu-na / kevt-nä
 сидеть-PRS лежать-PRS
 ‘Манджи бегаёт и бегаёт вокруг дома’.

Разница между сложными глаголами с глаголами ‘сидеть’ и ‘лежать’ не до конца прояснена. Предположительно, сложные глаголы с вершиной *suu-* ‘сидеть’ является идиолектной особенностью: часть информантов никогда не использует этот

¹⁵ С соединительным деепричастием на *-žə* глаголы позиции образуют свободные сочетания за исключением лексикализации *unt-žə kevt-* (спать-CV.IPFV лежать) ‘спать’; отдельно глагол *unt-* ‘спать’ используется крайне редко.

сложный глагол, хотя опознают в речи других калмыков, тогда как другие носители калмыцкого языка употребляли *suu-* ‘сидеть’ примерно в тех же контекстах, что и *kevt-* ‘лежать’ (как в приведенном выше примере (61)). Сложные глаголы с вершиной *kevt-* ‘лежать’ используют все носители.

Сочетание разделительного деепричастия на *-ad* с глаголом *kevt-* ‘лежать’ имеет значение интенсивного дуратива («Р длится [слишком / очень] долго»), т. е. имплицитно содержит (негативную) оценку говорящего. Наличие негативной оценки, экспрессивность конструкции постоянно подчеркивается носителями: информанты описывают сложные глаголы с *kevt-* ‘лежать’ как **грубые, разговорные** формы¹⁶.

- (62) *caadkə* *zalu-čən* *gergə-n-d-än*
дальний мужчина-PCL.CONC жена-EXT-DAT-REFL
naa-ld-ad *kevt-nä*
намазывать-RECP-CV.ANT лежать-PRS
{Моя соседка все время так на сына жалуется:} «Этот мужик к жене так прилип».

Дж. Ньюман отмечает важные для семантики глагола ЛЕЖАТЬ ассоциации с отдыхом, сном, болезнью и смертью [Newman 2002a: 3], служащие, возможно, основанием для грамматикализации оценочных значений.

Значение интенсивности действия или близкие значения количественного аспекта — итерация (в частности, фреквентатив) — реализуются в зависимости от акциональных свойств глагола. Именно хабитуальное (‘обычно’, ‘регулярно’) значение не свойственно этой конструкции, поскольку она как раз выражает нарушение нормы, слишком частое повторение, избыточное, с точки зрения говорящего.

¹⁶ Общее число примеров сложных глаголов с вершиной *kevt-* ‘лежать’ не позволяет делать выводы о распределении по типам текстов, но возможна связь конструкции с диалогическим модусом: сложный глагол с *kevt-* ‘лежать’ встретился в текстах всего 6 раз, из них дважды — в коротком диалоге, три раза — в «спонтанных нарративах» (08_konflikt, 22_razbityj_nos), один раз — в сказке при передаче эмоциональной реакции персонажа (14_xitryj_muzhik.056).

С мультипликативными глаголами конструкция имеет итеративное значение:

- (63) *kövü-d* все *сивар* *namagə* *cok-ad*,
 мальчик-PL все я.АСС ударить-CV.ANT
cok-ad *kevt-nä*
 ударить-CV.ANT лежать-PRS
 ‘Мальчишки все меня били, били и били’
 (22_razbityj_nos.005, не публикуется).

Со стативами сложный глагол обозначает длящееся единичное действие:

- (64) *Sanal* *ödər-t-än* *čamag* *külä-väd*
 Санал день-DAT-REFL ты.АСС ждать-CV.ANT
kevt-ü, *javə-v*
 лежать-PST что.делать-PST
 ‘Санал тебя весь день ждал, вот он что делал’
 (07_dialog1.004).

Сложный глагол с *kevt-* ‘лежать’ семантически близок сложному глаголу с разделительным деепричастием на *-ad* и вершиной *bää-*, но имеет дополнительное значение интенсивности действия и негативной оценки говорящего. В примере (65) информант использует сначала нейтральную форму сложного глагола с вершиной *bää-*, а затем прибегает к более выразительной форме сложного глагола с *kevt-*:

- (65) ⟨...⟩ *čini* *üj* *dü*
 ты.GEN двоюродный младший.брат
gi-čk-äd *xüükr-äd* *bää-väd*
 говорить-COMPL-CV.ANT кричать-CV.ANT быть-CV.ANT
kedü *mini* *xö-d* *id-dəg* *gi-väd*
 сколько я.GEN овца-PL есть-PC.HAB говорить-CV.ANT
xüükər-äd *kevt-vä*
 кричать-CV.ANT лежать-PST.EMPH
 ‘Твой двоюродный брат все кричал, долго кричал:
 «Сколько моих овец съели!»’ (08_konflikt.017).

Возможно отрицание сложного глагола с глаголами позиции с сохранением структуры, хотя подобные примеры некоторым информантам кажутся сомнительными:

- (66) *Ajsa-n mal-mud üvl-är ük-äd*
 Айса-GEN скот-PL зима-INS умереть-CV.ANT
kevt-sən uga
 лежать-PC.PST NEG.COP

‘Скотина в эту зиму у Айсы не передохла {а обычно у Айсы постоянно умирают животные, Айса плохая хозяйка}’.

5.3. Сложные глаголы с вершиной *bää-* ‘быть’

Как отмечалось во Введении, в калмыцком языке существуют глаголы-связки *bää-* ‘быть’ и *bol-* ‘стать’, которые, в отличие от других грамматикализовавшихся глаголов в калмыцком языке, сочетаются не только с деепричастиями, но и с причастиями и именами. Формы глагола *bää-* ‘быть’ в качестве связки с разными причастиями образуют различные видо-временные и модальные формы. Сочетание отдаленного прошедшего времени от глагола ‘быть’ *bilä* с хабитуальным причастием на *-dæg* обозначает повторяющееся действие в прошлом:

- (67) ⟨...⟩ *küük-d-in tolkačə bilä-v*
 девочка-PL-GEN руководитель быть.REM-1SG
 ‘⟨...⟩ я была предводительницей девчонок’ (21_ogorod.006, не публикуется).

В составе сложного глагола *bää-* ‘быть’ может сочетаться не только с разделительным деепричастием на *-ad* и соединительным деепричастием на *-žə* (как другие грамматикализовавшиеся глаголы в калмыцком языке), но и с другими, сравнительно редко встречающимися в калмыцком языке деепричастными формами, в частности, со слитным деепричастием на *-n*:

- (68) *kövü-n* *čolu* *xaj-n* *bää-žə*
 мальчик-EXT камень бросать-CV.MOD быть-CV.IPFV
xääkrə-v
 крикнуть-PST
 ‘Мальчик крикнул, продолжая бросать камни’ (Пример
 Д. Мищенко).

Я не рассматриваю употребления глагола *bää-* ‘быть’ в качестве связки, а из сложных глаголов с вершиной *bää-* ‘быть’ анализирую только сочетания с **соединительным деепричастием** на *-žə* и с **разделительным деепричастием** на *-ad*.

Сложный глагол с вершиной *bää-* ‘быть’ и формами **соединительного деепричастия** на *-žə* используется в калмыцком языке достаточно редко (в частности, в корпусе наших текстов не встретился ни разу, все примеры из анкет) и практически вытеснен формой прогрессива настоящего времени на *-žana* [Bertinetto et al. 2000: 533]. Глагол *bää-* ‘быть’ не сочетается с соединительным деепричастием на *-žə* от динамических предикатов (в этих случаях информанты предпочитают форму прогрессива настоящего времени на *-žana*), а используется с формами соединительного деепричастия глаголов, обозначающих состояния:

- (69) *Badma Baatr xojr xörn žil-də üürl-žə*
 Бадма Батыр два 20 год-DAT дружить-CV.IPFV
bää-nä
 быть-PRS
 ‘Бадма и Батыр дружат 20 лет’.

Однако глагол *bää-* ‘быть’ может использоваться с соединительным деепричастием на *-žə* от пунктивных глаголов. Данные глаголы плохо сочетаются с прогрессивом *-ža*, а в составе сложного глагола с вершиной *bää-* ‘быть’ обычно имеют переносное значение; сложный глагол имеет дополнительную семантику результата:

(70) *Badm-in Manžə toxm-an gee-žə*
Бадма-GEN Манджи порода-REFL терять-CV.IPFV
bää-nä
быть-PRS

‘Род Бадмаева Манджи прервался {одни девочки родились}’ (букв. ‘Бадмаев Манджи теряет род’).

Как упоминалось выше, К. Эберт рассматривает сочетания глагола *bää-* ‘быть’ с соединительным деепричастием на *-žə* как формы, обладающие наибольшей «сфокусированностью» по сравнению с нейтральным синтетическим выражением прогрессива формой на *-žana* [Ebert 1999]. Однако трудно согласится с такой интерпретацией, т. к. разные синтетическая форма и сложный глагол, от которого она образована, находятся в дополнительном распределении и от одного глагола нельзя образовать и нейтральную, и максимально «сфокусированную форму». Строго говоря, сложный глагол *V-žə bää-* не является прогрессивом, поскольку сочетается со стативными глаголами, тогда как прогрессив, напротив, используется с динамическими предикатами и не сочетается с состояниями [Bybee et al. 1994: 126]. Формы прогрессива *-žə* (восходящие к сложному глаголу *V-žə bää-*) и сам этот сложный глагол *V-žə bää-* дополнительно распределены: форма прогрессива используется с предикатами, для которых естественно иметь актуально-длительное прочтение (процессы), тогда как сложный глагол сочетается с глаголами, для которых такая интерпретация не относится к числу нейтральных (стативами и пунктивами).

Соотношение морфологизованной формы (прогрессива на *-žə*) и сложного глагола близко распределению возникшего в результате морфологизации нейтрального способа выражения комплетива аффиксом *čkə-* и сложного глагола с вершиной *ork-* ‘класть’, используемого для интерпретации неопределенных предикатов как имеющих предел (начальную точку). В обоих случаях сложный глагол является более сильным средством, по сравнению с морфологизованной формой, и «достраивает» акциональную парадигму зависимого глагола.

Сложный глагол с вершиной *bää-* ‘быть’ и с зависимым глаголом в форме **разделительного деепричастия на *-ad***, как уже упоминалось, является нейтральным способом

выражения дуратива (см. выше в разделе 5.2 о различии между сложными глаголами с вершинами *kevt-* ‘лежать’ и *bää-* ‘быть’). Глагол *bää-* в качестве вершины сочетается с соединительным деепричастием на *-ad* от любых глаголов.

Сложный глагол *V-ad bää-* выражает достаточно широкий круг дуративных и близких к дуративу значений. Собственно дуратив предполагает неактуально-длительное толкование ситуации (т. е. ситуация имела место до некоторой точки и может продолжаться после нее):

- (71) *Očir av-xə degtr-igə Saglär šulušar*
 Очир брать-PC.FUT книга-ACC Саглара быстро
umš-ad bää-nä
 читать-CV.ANT быть-PRS
 ‘Саглар очень быстро читает книгу, которую у нее скоро заберет Очир’.

Сложный глагол в некоторых случаях может иметь итеративное или хабитуальное прочтение (‘каждый день’):

- (72) <...> *durə-n-də-n^j xotə-n^j ög-äd*
 желание-EXT-DAT-P.3 пища-P.3 дать-CV.ANT
bord-ad bää-nä
 откармливать-CV.ANT быть-PRS
 ‘<...> пищу дает по желанию, откармливает’ (13_kurica.006).

Дуратив с глаголом *bää-* ‘быть’ может выражать свойство, постоянный признак предмета:

- (73) *terü-n-äsə ikär sež-äd*
 тот-EXT-ABL сильно быть.мнительным-CV.ANT
bää-nä
 быть-PRS
 ‘От этого он постоянно очень испуган’
 (01_avtobiografija.007).

С сильными предельными глаголами в форме разделительного деепричастия на *-ad* сложный глагол с вершиной *bää-* ‘быть’ имеет результирующее значение:

- (74) <...> *öŋgr-äd* *bää-žə* *mini* *eckə*
 умирать-CV.ANT быть-EVD я.GEN отец
 ‘<...> и умер, мой отец’ (01_avtobiografija.009).

5.4. Глагол *šov-* ‘ходить’

Исходным контекстом грамматикализации глагола *šov-* ‘ходить’ являются сочетания с глаголами движения, как правило, обозначающими способ передвижения (‘бежать’, ‘лететь’, ‘ползти’ и т. п.). Глагол *šov-* сочетается с соединительным и разделительным деепричастием от глаголов, обозначающих изменение положения в пространстве и действия и образует разные сложные глаголы.

5.4.1. Глагол *šov-* ‘ходить’ с соединительным деепричастием на *-žə*. Сочетание деепричастия на *-žə* с глаголом *šov-* образуют прогрессив от глаголов движения (75), глаголов, обладающих семантикой перемещения в пространстве (таких как ‘танцевать’, ‘кружиться’ (76)) или содержащих компонент движения, как глагол ‘ставить’, описывающий каузацию движения (77).

- (75) *xälä-Ø* *xälä-Ø* *tova* *ger-ür*
 смотреть-IMP смотреть-IMP змея дом-DIR
or-žə *šov-na!*
 входить-CV.IPFV ходить-PRS
 ‘Смотри, змея к дому ползет’.

- (76) *küükə-n* *biil-žə* *šov-na*
 девочка-EXT танцевать-CV.IPFV ходить-PRS
 ‘Девочка танцует’.

- (77) *Nina* *širä* *deer* *aavə* *täv-žə*
 Нина стол поверхность чашка класть-CV.IPFV
šov-na
 ходить-PRS
 ‘Нина ставит тарелки на стол’.

Некоторые действия обычно рассматриваются как совершаемые в движении (например, ‘искать’ в (78)), или их можно представить как сопровождающие перемещение (например, ‘говорить’ или ‘ссориться’), и в этих случаях

используется сложный глагол с вершиной *jov-*, а не синтетическая форма прогрессива на *ǰa-*.

- (78) *bi xustəg xää-ǰə jov-na-v*
я.NOM спичка искать-CV.IPFV ходить-PRS-1SG
'Я спички ищу'.

Реже сложный глагол на *V-ǰə jov-* используется с глаголами, которые не содержат семантики движения или перемещения в пространстве. Некоторые информанты запрещают подобные сочетания, однако в текстах они встречаются:

- (79) <...> *či xal'məg kel-n-də*
ты.NOM калмыцкий язык-EXT-DAT
durl-ǰə jov-na-č
любить-CV.IPFV ходить-PRS-2SG
'(Поэтому) ты любишь калмыцкий язык'
(18_blagorzhelanie.012).

Прогрессив настоящего времени и прошедшего времени от глаголов движения образуется и формами на *-ǰana / -ǰala*, и сочетанием деепричастия на *-ǰə* с глаголом *jov-* в форме настоящего времени на *-na* или отдаленного прошедшего времени на *-la*. Сложный глагол выражает направленное движение в сочетаниях с глаголами, обозначающими способ движения и не имеющими указания на направление:

- (80) *xälä-Ø! šovu-n nis-ǰä-nä*
смотри-IMP птица-EXT летать-PROG-PRS
'Смотри! Птица летает {туда-сюда}'.

Подобные глаголы (например, *giüü-* 'бежать', *nis-* 'лететь', *mölk-* 'ползать', *öömə-* 'плыть') в калмыцком языке в независимом употреблении имеют значение ненаправленного хаотического движения. В одиночном употреблении эти глаголы не могут сочетаться с обозначениями начальной и / или конечной точки движения; в этих случаях используется сложный глагол (см. подробнее раздел «Сложные глаголы движения»):

- (81) *ter samolet Moskva-vasə Avš-ur*
 тот самолет Москва-ABL Волгоград-DIR
*nis-žə jov-na / *nis-žä-nä*
 летать-CV.IPFV ходить-PRS летать-PROG-PRS
 ‘Этот самолет летит из Москвы в Волгоград’

5.4.2. Глагол *jov-* ‘ходить’ с разделительным деепричастием на *-ad*. Сочетание глагола *jov-* с деепричастием на *-ad* имеет дуративное или хабитуальное прочтение:

- (82) *xortə-n cug xöö-d al-ad jov-na*
 враг-EXT весь овца-PL убить-CV.IPFV ходить-PRS
 а) ‘Враг убивает всех овец (сейчас)’; б) ‘Враг убивает всех овец (обычно так делает)’.

Сложный глагол *V-ad jov-* чаще всего используется с глаголами движения; с другими предикатами сложный глагол показывает, что действие представляется как совершаемое в движении, подчеркивает пространственное понимание ситуации:

- (83) *säk-sən burxə-n kevtä deer-äsən*
 оберегать-PC.PST бог-EXT кажется поверхность-ABL.REFL
jörä-väd jov-də-m
 благословить-CV.ANT ходить-PC.HAB-COP.AFF
 ‘Чтобы оберегающий бог как бы сверху благословлял тебя все время’ (18_blagopozhelanie.022).

С глаголами движения могут использоваться сложные глаголы с вершиной *jov-* ‘ходить’ и с вершиной *bää-* ‘быть’; в последнем случае, акцент переносится с семантики перемещения на обозначение нахождения в пространстве, ср. (84а-б):

- (84а) *värd šovu-n xö-d deegür nis-äd*
 орел птица-EXT овца-PL вверху летать-CV.ANT
jov-na
 ходить-PRS
 ‘Орел летает над овцами’.

(84б) *vārd šovu-n xō-d deegür nis-ād*
 орел птица-EXT овца-PL вверху летать-CV.ANT
bää-nä
 быть-PRS
 ‘Орел летает над овцами {парит над стадом, застыл}’.

5.4.3. *Грамматикализация сложных глаголов с вершиной jov-* ‘ходить’. Превращение в имперфективные (включая хабитуальные) показатели — один из основных путей развития конструкций с глаголом ИДТИ в языках мира [Heine, Kuteva 2002: 159; Майсак 2005]. В калмыцком языке глагол *jov-* ‘ходить’ грамматикализировался в составе двух разных конструкций.

В текстах часто используются тавтологические сочетания *jova jov-* (ходить-CONT ходить-CV.IPFV) / *jovžə jov-* (ходить-CV.IPFV ходить) / *jovad jov-* (ходить-CV.ANT ходить) ‘идти, идти и идти’, свидетельствующие о десемантизации глагола *jov-* в подобных употреблениях.

Сложные глаголы *V-žə jov-* имеют значение прогрессива и чаще всего сочетаются с зависимыми глаголами движения (или предикатами, содержащими семантический компонент движения). В некоторых случаях невозможно точно определить семантику сложного глагола, который можно интерпретировать и в пространственном значении (указание на направленное движение) и в аспектуальном (образование форм прогрессива).

Сложные глаголы *V-ad jov-* менее грамматикализированы, чем *V-žə jov-* (возможно, потому что в калмыцком языке существует ряд других сложных глаголов со значением дуратива) и в некоторых контекстах могут интерпретироваться в соответствии с буквальным значением глагола ‘ходить’, ср. (85а-б):

(85а) *ter küü-n-ä vazər-tə ködl-žə*
 тот человек-EXT-GEN земля-DAT работать-CV.IPFV
jov-na
 ходить-PRS
 ‘Он работает в чужом краю’.

- (856) *ödär sō uga ködl-äd jov-na*
 день ночь NEG.COP работать-CV.ANT ходить-PRS
 1) ‘Работает день и ночь, без отдыха’; 2) ‘Ходит днем и ночью на работу’.

Морфосинтаксические свойства сложного глагола также зависят от пространственной или аспектуальной интерпретации. Сложные глаголы *V-žə jov-* и *V-ad jov-* допускают отрицание только в пространственном значении, когда глагол *jov-* указывает на направленный характер движения:

- (86) *noxā ez-än ard-asə dax-žə*
 собака хозяин-REFL сзади-ABL следовать-CV.IPFV
jov-sən uga
 ходить-PC.PST NEG.COP
 ‘Собака не пошла за хозяином’.

- (87) *Badma väräd-äd jov-sən uga*
 Бадма прыгать-CV.ANT ходить-PC.PST NEG.COP
 ‘Бадма не прыгнул’.

Сложные глаголы *V-žə jov-* и *V-ad jov-* со значением прогрессива не допускают отрицания. Однако между этими крайними точками наблюдается значительная зона варьирования, определяемая тем, склоняется ли информант в данном контексте к пространственной интерпретации или воспринимает сложный глагол как аналитическую форму прогрессива. Таким образом, в калмыцком языке представлены формы, допускающие и пространственную, и аспектуальную трактовку, т. е. формы с неопределенной интерпретацией (о неопределенности при грамматикализации [Heine 1993: 48]).

5.5. Распределение сложных глаголов в имперфективе

В имперфективной зоне в калмыцком языке представлено несколько сложных глаголов (наряду с аффиксом прогрессива *-žə*, возникшему в результате морфологизации сложного глагола с соединительным деепричастием на *-žə* и вершиной *bää-* ‘быть’). Распределение этих близких, но не полностью синонимичных сложных глаголов, выглядит следующим образом:

Таблица 1. Сложные глаголы в имперфективной зоне

глагол	основное значение сложного глагола	дополнительные оттенки значения	частотность, сочетаемость
V- <i>ad kevt-</i> 'лежать'	Интенсивный дуратив	экспрессивный, разговорный оттенок, негативная оценка	регулярно (вопреки данным К. Эберт)
V- <i>ad suu-</i> 'сидеть'	синонимичен V- <i>ad kevt-</i>	не содержит негативной оценки	редко используется, идиолектная черта
V- <i>ad bää-</i> 'быть'	Нейтральный способ выражения дуратива, имеет хабитуальное значение, значение постоянного признака	с сильными предельными глаголами или пунктивами имеет значение результата	регулярно, сочетается с любыми глаголами
V- <i>ǰə bää</i>	семантика дуратива	дополнительное распределение с формой прогрессива на <i>-ǰa</i>	крайне редко, только со стативными предикатами и пунктивами
V- <i>ǰə jov-</i>	прогрессив	в отличие от формы прогрессива на <i>-ǰa</i> имеет значение направленного движения	регулярно сочетается с глаголами движения или глаголами, содержащими компонент движения
V- <i>ad jov-</i>	дуратив	частично синонимичен V- <i>ad bää-</i> , но	не очень часто, менее грамматикализован, чем V- <i>ǰə jov-</i>)

В морфосинтаксическом отношении сложные глаголы со значением дуратива (V-*ad* *bää-* / *jov-* / *suu-* / *kevt-*) ведут себя схожим образом. Они не допускают отрицания, а показатели актантной деривации находятся на зависимом, а не на вершине:

- (88) *xojurn* *ärk-än* *uu-ld-ad* *bää-nä*
 вдвоем водка-REFL пить-РЕСР-CV.ANT быть-PRS
 ‘(С моим дядькой) вдвоем стал водку пить’
 (02_pasport.065).

6. Сложные глаголы движения

Движение и перемещение в пространстве в калмыцком языке чаще всего описывается с помощью сложного глагола, состоящего из двух и более глаголов движения:

- (89) *övgə-n* *mod-an* *av-ad*,
 старик-EXT дерево-REFL брать-CV.ANT
xür-žə *ir-žə* *jov-ad*
 возвращаться-CV.IPFV приходить-CV.IPFV ходить-CV.ANT
 ‘Дед взял дров, возвращался домой’ (12_prostofilja.017).

Зависимые глаголы в составе сложных глаголов движения стоят в форме соединительного деепричастия на *-žə*, хотя формы с деепричастием на *-ad* допустимы (последние ближе к свободным сочетаниям).

Глаголы *ir-* ‘приходить’, *var-* ‘выходить’, *ärl-* ‘уходить’, *kür-* ‘достигать’, формы неполного глагола *aaš-* ‘приближаться’¹⁷ и некоторые другие предикаты могут быть вершиной в составе сложного глагола только в конструкциях с глаголами движения, модифицируя направление или характер движения; в подобных конструкциях, как правило, не происходит десемантизации вершинного глагола. Более грамматикализованные глаголы *od-* ‘уходить’ и *jov-* ‘ходить’ также используются в качестве вершины сложного глагола со значением перемещения в пространстве, однако для удобства изложения эти конструкции рассматривались в разделах 2.2.1 и 5.4.1. Ниже не рассматривается семантика сложных глаголов с вершинами

¹⁷ В современном калмыцком встречаются только формы настоящего времени *aaš-na* и отдаленного прошедшего времени *aaš-la*.

od- ‘уходить’ и *joy-* ‘ходить’, однако эти данные привлекаются для анализа общих свойств сложных глаголов движения.

Глаголы движения в сложном глаголе в калмыцком языке тяготеют к использованию в качестве вершины или зависимого. Роли зависимого, а не главного глагола в составе сложного глагола выступают глаголы *nis-* ‘лететь’, *mölk-* ‘ползть’, *öömə-* ‘плыть’, *xär-* ‘возвращаться’, *väräd-* ‘прыгать, передвигаться прыжками, переступать’, преимущественно в роли зависимого — глаголы *kür-* ‘достигать’ и некоторые другие. Например, в текстах глагол *or-* ‘входить’ в функции зависимого встретился 16 раз, а в функции вершины — только 4 раза; глагол *güü-* ‘бежать’ в качестве зависимого — 18, в качестве вершины сложного глагола — 1 раз. Среди зависимых глаголов в сложных глаголах движения преобладают лексемы со значением характера движения, способа перемещения (ср. *güü-* ‘бежать’, *nis-* ‘лететь’, *mölk-* ‘ползть’, *öömə-* ‘плыть’). Как уже указывалось, в независимом употреблении эти глаголы не могут сочетаться с обозначениями начальной и /или конечной точки движения и имеют значение ненаправленного движения. Вершина сложного глагола указывает направление движения, а зависимое — характер движения:

- (90) *samolet nis-čə vär-na*
самолет лететь-CV.IPFV выходить-PRS
‘Самолет вылетел’.

Зависимый глагол в сложных глаголах движения имеет адвербиальное значение. Глаголы *or-* ‘входить’ и *xär-* ‘возвращаться’ в составе сложных глаголов выражают значения ‘внутри’ и ‘назад’¹⁸. Таким образом, в составе сложных глаголов движения происходит частичная десемантизация не только главного глагола, но и зависимого, образование новой семантики в итоговом сложном глаголе.

Наоборот, глагол *od-* ‘уходить’ встречается в одиночном употреблении, в роли вершины сложного глагола (в пространственном и аспектуальном значении), но практически не используется в качестве зависимого в составе сложных

¹⁸ Параллельно деепричастию от глагола *xär-* ‘возвращаться’ в текстах используется наречие *xärü* ‘назад’.

глаголов (в текстах только дважды встретились конструкции с бенефактивом и прогрессивом). Глагол *ir-* ‘приходить’ лишь четыре раза встретился в составе сложного глагола с *jav-* ‘ходить’ со значением прогрессива, тогда как сложных глаголов с вершиной *ir-* ‘приходить’ в текстах 60, одиночных употреблений — 49. Глагол *jav-* ‘ходить’ относительно часто используется в качестве зависимого сложного глагола (хотя и существенно меньше, чем в функции вершины), но почти всегда в составе тавтологического сложного глагола *javžə jav-* (‘ходить-CV.IPFV ходить’) ‘идти’, *javad jav-* (‘ходить-CV.ANT ходить’) ‘идти’ (17 случаев из 26); из других вершин с глаголом *jav-* относительно регулярно (6 раз) используется глагол *od-* ‘уходить’. (Распределение некоторых глаголов движения представлено в Таблице 2).

Таблица 2. Распределение некоторых глаголов движения в текстах

глагол	одиночное	зависимое	вершина	всего
<i>jav-</i> ‘ходить’	57	26	65	148
<i>od-</i> ‘уходить’	39	2	58	99
<i>ir-</i> ‘приходить’	49	4	60	113
<i>or-</i> ‘входить’	54	16	4	70
<i>var-</i> ‘выходить’	46	4	16	64
<i>kür-</i> ‘достигать’	21	7	1	29
<i>güy-</i> ‘бежать’	7	18	1	26
<i>xär-</i> ‘возвращаться’	3	5	0	8

Грамматикализация глаголов движения предполагает переход от полноценной глагольной предикации к дейктическому оператору [Shibatani 2006], т. е. вершина сложного глагола частично утрачивает собственно семантику движения и указывает на направление движения к дейктическому центру или от него. В калмыцком языке движение к говорящему или дейктическому центру (**вентив**) маркирует глагол *ir-* ‘приходить’ и менее употребительные формы настоящего и

отдаленного прошедшего времен *aaš-na / aaš-la* глагола ‘приближаться’¹⁹:

- (91) *kövü-n* *madən* *tal-an* *güü-žə*
мальчик-EXT мы сторона-REFL бежать-CV.IPFV
ir-nä / *aaš-na*
приходить-PRS приближаться-PRS
‘Мальчик бежит к нам’.

Грамматикализация глаголов со значением ПРИХОДИТЬ в показатели вентива часто встречается в языках мира [Heine, Kuteva 2002: 70]). Движение от говорящего или дейктического центра (**итив**) выражает глагол *od-* ‘уходить’ в функции вершины сложного глагола движения (и реже используемый в функции вершины сложного глагола *var-* ‘выходить’), см. примеры в разделе 2.2.1.

М. Д. Онджанова относит глагол *ir-* ‘приходить’ к числу аналитических показателей «законченного вида», а глагол *var-* ‘выходить’ к «начинательному виду» (‘указывает на начало повторяющегося действия’) [Онджанова 1969: 84], однако информанты не допускали подобного употребления сложных глаголов; возможно, в литературном варианте калмыцкого языка эти конструкции более грамматикализованы. В других монгольских языках эти глаголы не только выражают пространственные отношения, но и грамматикализируются в аспектуальные или модальные показатели: в монгольском Внутренней Монголии *ir-* ‘приходить’ выражает дуративную ситуацию, длящуюся с какого-то момента до настоящего времени (‘мы знаем друг друга с детства’), *var-* ‘приходить’ в составе сложного глагола имеет значение возможности [Chuluu 1998: 120, 197].

Сложные глаголы движения используются с отрицанием; сфера действия отрицания — весь сложный глагол как единое событие.

¹⁹ Других форм этого неполного глагола в современном калмыцком языке не представлено.

- (92) *samolet nis-čə ir-sən uga*
 самолет летать-CV.IPFV приходит-PC.PST NEG.COP
 ‘Самолет не прилетел’ / *‘Самолет летал и не возвращался’.
- (93) *uga, това ger-ür mölk-žə*
 NEG.COP змея дом-DIR ползти-CV.IPFV
or-sən uga
 входить-PC.PSTNEG.COP
 {Кричат: «Змея в дом вползла!»} ‘Нет, змея в дом
 не заползла’.

7. Конатив

В грамматике Г. Ц. Пюрбеева отмечается, что в сочетании с соединительным или разделительным деепричастием глагол *xälä-* ‘смотреть’ / *üz-* ‘видеть’ «с модальным значением обозначает намерение, попытку и пожелание совершить какое-либо действие» [Пюрбеев 1977: 116]. Неудачная попытка совершения действия — конатив — относится, по В. А. Плунгяну, к зоне антирезультатива. В. А. Плунгян отмечает, что конатив почти всегда выражается глаголами ‘видеть’ или ‘смотреть’ [Плунгян 2001]. Неудача в достижении результата выражается в калмыцком языке сложными глаголами с вершинами *üz-* ‘видеть’ и *xälä-* ‘смотреть’ в сочетании с контролируемыми предикатами. Эти конструкции предполагают сознательные (неуспешные) действия, направленные на достижение результата и не допустимы в контекстах, где контроль явно отсутствует или незначителен.

В халха-монгольском конструкции с глаголом *üjekü-* ‘видеть’ может иметь грамматикализованное прочтение ‘стараться (и сделать что-то)’ [Yoshitake 1929: 533], т. е. обозначает реализованную, успешную попытку (и поэтому ближе к буквальным сочетаниям; просто глагол *üjekü-* имеет не только значение ‘видеть’, но и ‘пробовать’). В монгольском Внутренней Монголии глагол ‘видеть’ используется в модальном значении ‘пытаться’ [Chuluu 1998: 90].

Глагол *üz-* ‘видеть’ в функции вершины сложного глагола сочетается с соединительным деепричастием на *-žə*, а глагол *xälä-* ‘смотреть’ с разделительным деепричастием на *-ad*.

(94a) *mini egčə biil-žə üzə-v*
 я.GEN старшая.сестра танцевать-CV.IPFVвидеть-PST
 ‘Моя старшая сестра пробовала танцевать {но у нее ничего не вышло}’.

(94б) *mini egčə biil-äd xälä-və*
 я.GEN старшая.сестра танцевать-CV.ANT смотреть-PST
 ‘Моя старшая сестра пробовала танцевать {но у нее ничего не вышло}’.

Сложные глаголы *V-žə üz-* и *V-ad xälä-* чрезвычайно близки между собой, но первый используется чаще и несколько более грамматикализован (это согласуется и с данными об этих деепричастиях в составе других сложных глаголов). Сложные глаголы со значение конатива сохраняют способность иметь отрицание:

(95) *uga, naad-čə üz-sən uga*
 NEG.COP играть-CV.IPFV видеть-PC.PST NEG.COP
 ‘{Вы пробовали играть в шахматы?} Нет, не пробовал’.

8. Заключение

8.1. Степень грамматикализации сложных глаголов

Сложные глаголы в калмыцком языке возникают на основании лексем с обобщенным значением, отражающих базовые для человеческого опыта ситуации / понятия, — глаголов движения, глаголов позиции, глаголов каузации движения (‘класть’, ‘бросать’, ‘дать’, ‘брать’), бытийного глагола. И набор грамматикализующихся в калмыцком языке лексем-источников, и результаты грамматикализации согласуются с типологическими данными.

В обширной литературе по грамматикализации обсуждаются различные морфосинтаксические, семантические и фонетические свойства, сопровождающие утрату автономности лексической единицы и превращение в грамматический показатель [Hopper, Traugott 2003; Lehmann 1995; Майсак 2005]. Наибольший интерес представляют признаки, систематизирующие эти относительно автономные микропроцессы. Б. Хайне учитывает обсуждавшиеся и ранее

уровни грамматикализации: семантический (десемантизация), морфосинтаксический (декатегоризация), морфофонологический (клитизация) и фонетический («эрозия»), но объединяет их в стадии; подобный подход позволяет описать алгоритм постепенного превращения во вспомогательный глагол и определить положение языковой единицы на шкале грамматикализации [Heine 1993: 54–60].

Анализ калмыцких сложных глаголов показывает, что для калмыцкого языка релевантны следующие признаки грамматикализации (перечисленные в начале статьи и учитывавшиеся в разделах): 1) способность принимать отрицание; 2) оформление показателями каузатива, пассива, социатива и др. зависимого или вершины; 3) образование стяженных форм с утратой части фонетического материала и ударения; 4) частичное сохранение семантики вершины; 5) регулярность сочетания с любыми предикатами. Как видно из списка, релевантные для калмыцкого языка признаки лишь частично совпадают с теми, которые выделяет Б. Хайне; в частности, утрата возможности пассивизации рассматривается как четвертый этап грамматикализации по шкале декатегоризации, помещающий глагол на уровень E [Heine 1993: 62–64], тогда как в калмыцком утрата возможности образования пассива только для вспомогательного глагола в собственно пассивном значении происходит на самых ранних стадиях грамматикализации, но возможность присоединения показателя пассива на *-gdə* (со значением долженствования) к вершине является признаком большей грамматикализованности, чем запрет подобных форм (ср. выше пример (32) со сложным глаголом *od-gdə-* (уходить-PASS)).

Как показано в соответствующих разделах, часть сложных глаголов не допускает отрицания (сложные глаголы *ork-* ‘класть’ и *od-* ‘уходить’, прогрессив *V-žə bää- / jov-*, сложные глаголы со значением дуратива *V-ad bää- / jov- / suu- / kevt-*), тогда как другие сложные глаголы образуют отрицание, хотя оно может быть затруднено прагматически (рефлексивные бенефактив с вершиной *av-*, бенефактив на *ög-*, сложные глаголы с вершиной *xaj-*, конатив и сложные глаголы движения).

Показатели каузатива, пассива *-gdə*, социатива *-lcə*, реципрока *-ldə* и глагольной множественности *-cxa* находятся либо на вершине сложного глагола, либо на зависимом. Расположение на вершине свидетельствует о большем единстве сложного глагола (каузативируется вся ситуация, обозначенная сложным глаголом, или в состав сложного глагола входит зависимое с показателями актантной деривации). Аффиксы на вершине допускают глагол *od-*, *ork-* и лексикализации *avč ir-ül-* (брать-CV.IPFV приходить-CAUS) ‘заставить принести’; с показателями актантной деривации сочетается аффикс комплетива *-čkə*.

Фонетические преобразования максимально представлены в сложных глаголах *ork-* ‘класть’ и *bää-* ‘быть’; в этих случаях речь идет об утрате полнозначного ударения и превращении в аффиксы комплетива *-čkə* и прогрессива *-žə* с сопутствующей адаптацией (аффикс прогрессива подчиняется сингармонизму и имеет алломорфы *-žə* и *-žä*). Глагол *od-* ‘уходить’ в форме эвиденциального прошедшего времени в качестве вершины сложного глагола с аспектуальным значением образует клитику *oč-*, которая в быстрой речи некоторых информантов имеет сингармонические варианты, однако в языке сохраняет и полная форма, появляющаяся при медленном произнесении. В пространственном значении стяженная форма, как правило, не используется. Глагол *av-* с соединительным деепричастием на *-žə* иногда образует стяженную форму *-žə-və*, но эта форма не регулярна (она встречается в быстрой речи некоторых информантов).

Если свести обсуждавшиеся признаки к нескольким параметрам, внутри которых выделяется континуум, получаются следующие шкалы:

❖ **Фонетические преобразования: сокращение материала**, т. е. а) утрата части звукового состава, изменение просодических характеристик, б) которое постепенно становится основным при любом типе произнесения и в) **адаптация** (приводящая к появлению сингармонических алломорфов).

❖ **Десемантизация**: а) утрата исходного значения лексемы в функции вершины сложного глагола;

б) регулярность сочетания с предикатами любых классов;
 в) стилистическая нейтральность (vs. маркированность, наследующая семантику вершины).

❖ **Морфосинтаксические изменения** («декатегоризация» по Б. Хайне): а) расположение **показателей актантной деривации** на вершине или зависимом глаголе; б) утрата способности образовывать **отрицание**.

Свойства калмыцких сложных глаголов суммированы в Таблице 3. Plusом отмечены сложные глаголы, соответствующие всем признакам, знаком «- / +» или «+ / -» формы, разделяющие один или два признака.

Таблица 3. Степень грамматикализации сложных глаголов

глагол	фонетические преобразования	десемантизация	морфосинтаксические изменения
<i>ork-</i>	+	+	+
<i>od-</i>	+ / -	+	+
<i>-žə bää-</i>	+	+	+
<i>-žə jov-</i>	-	+	+
<i>-ad bää-</i>	-	+	+ / -
<i>-ad jov-</i>	-	+ / -	+ / -
<i>kevt-, suu-</i>	-	+ / -	+ / -
<i>xälä-, üz-</i>	-	+ / -	-
<i>av-</i>	- / +	+ / -	-
<i>ög-</i>	-	+ / -	-
<i>xaj-</i>	-	+ / -	-
глаголы движения	-	- / +	-

Как видно из Таблицы 3, различные уровни грамматикализации взаимосвязаны, хотя скорость прохождения тех или иных этапов может варьироваться для разных сложных глаголов.

В классификации Б. Хайне десемантизация окончательно завершается на этапе С и, хотя глагол может находиться на нескольких соседних стадиях по разным параметрам, предполагается, что на этапах D–G обсуждение семантики излишне. Однако калмыцкие материалы показывают,

что некоторые «следы» семантики вершинного глагола могут сохраняться и на самых поздних уровнях грамматикализации. В разделе 2.2.2. рассматривались особенности сильно грамматикализованного глагола *od-* ‘уходить’, полностью утратившего семантику физического перемещения в пространстве, но сохраняющего оттенок семантики **ухода** (этот сложный глагол часто сочетается с глаголами физического уничтожения или исчезновения объектов, такими как ‘ломаться’, ‘разбиться’ ‘умереть’, ‘гнить’, но не сочетается с предикатами, обозначающими **появление**, такими как ‘родиться’).

8.2. Семантика калмыцкой аспектуальной системы

Еще одно обобщение, которое можно сделать на основании анализа калмыцких сложных глаголов, касается организации аспектуальной системы калмыцкого языка. В калмыцком нет синтетических средств выражения видовой семантики, которые не восходили ли бы к сложным глаголам. Иными словами, аспектуальная система калмыцкого языка сложилась в результате грамматикализации сложных глаголов; наиболее грамматикализованные формы в результате морфологизации образовали синтетические формы (аффиксы комплетива *-čkə* и прогрессива *-žə*, восходящие к сочетанию соединительного деепричастия с глаголами *ork-* ‘класть’ и *bää-* ‘быть’ соответственно), другие средства выражения видовых значений представляют собой континуум грамматикализованных сложных глаголов. Это сближает калмыцкий с другими языками с аналитическими аспектуальными системами (см. типологический обзор систем «аналитической перфективации» в [Майсак 2005: 293 и далее]).

Наиболее грамматикализовавшиеся формы представляют собой центральные значения для калмыцкой аспектуальной системы (частота использования и приводит к грамматикализации вплоть до морфологизации). Таким образом, Таблица 3 показывает распределение ядерных и периферийных аспектуальных значений в калмыцком языке.

Центральным значением для **перфективной** зоны является комплетив (аффикс *-čkə*, сложные глаголы с вершинами *ork-* и *od-*), причем семантика комплетива зависит от акциональных свойств зависимого предиката: с предельными глаголами

комплетив имеет значение верхнего предела, достижения крайней точки развития ситуации, тогда как с неопредельными процессами и с состояниями означает начало ситуации (инхоатив). Инхоативная интерпретация неопредельных глаголов в характерна и для других систем аналитической перфективации «комплетивного» типа [Майсак 2005: 321–330].

Для **имперфективной** зоны ядерное значение — прогрессив (морфологизовавшийся аффикс *-ǰa*). Для глаголов движения в калмыцком языке различается возможность выразить прогрессив со значением ненаправленного движения (с помощью аффикса *-ǰa*) и прогрессив со дополнительным значением направленного движения (с помощью сложного глагола V-*ǰə jov-*). Менее грамматикализованные сложные глаголы выражают семантику дуратива, причем калмыцкий язык отличается разнообразием дуративных сложных глаголов (V-*ad bää / jov- / suu- / kevt-*), особой «разработанностью» периферийных значений имперфектива (в зависимости от типа зависимого предиката или способа представления ситуации, см. выше раздел 5.5.).

Периферийными аспектуальными значениями в калмыцком являются количественный аспект (выражающийся сложным глаголом с вершиной *xaj-* ‘бросать’), конатив (близкий модальной зоне), бенефактив и рефлексивный бенефактив.

Литература

- Баранова В. В. 2007. Грамматикализация конструкций со значение «недостигнутого результата» в калмыцком языке // *Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых ученых*. Материалы конф. СПб.: Нестор. С. 22–25.
- Выдрина А. В. Употребление показателя пассива в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Гото К. В. Синтетические способы выражения прошедшего времени в калмыцком языке. Настоящий сборник.
- Кузьменков Е. А. 1984. *Глагол в монгольском языке*. Л.: Издательство ЛГУ.
- Майсак Т. А. 2005. *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и позиции*. М.: Языки русской культуры.
- Мищенко Д. Ф. Деепричастия с показателями *-ǰə* и *-ad* в калмыцком языке. Настоящий сборник.

- Насилов Д. М. 1989. *Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность*. Л.: Наука.
- Онджанова М. Д. 1969. *Аналитические глагольные формы в калмыцком языке*. Автореф. дисс. канд. филол. н. Л.
- Овсянникова М. А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка. Настоящий сборник.
- Плунгян В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата. // Плунгян В. А. (ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари. С. 50–88.
- Плунгян В. А. 1998. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Черткова М. Ю. (ред.). *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры. С. 370–381.
- Подлеская В. И. 2004. Глагольные категории во взаимодействии: русские пермиссивные конструкции со вспомогательным глаголом «дать» // Володин А. П. (ред.). *Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию профессора В. С. Храковского*. М.: Знак. С. 412–429.
- Пюрбеев Г. Ц. 1977. *Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Сай С. С. Аргументная структура калмыцких каузативных конструкций. Настоящий сборник, а.
- Сай С. С. Грамматический очерк калмыцкого языка. Настоящий сборник, б.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1962. *Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология*. М.: Издательство восточной литературы.
- Санжеев Г. Д. (ред.). 1983. *Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Тюлюмджиев М. К. 1985. За бортом жизни. Повесть. На калмыцком языке. Элиста.
- Храковский В. С. 1989. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский В. С. (ред.). *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука. С. 22–50.
- Шлуинский А. Б. 2005. *Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения*. Диссертация... к. ф. н. Рукопись.
- Anderson G. D. S. 2006. *Auxiliary Verb Constructions*. Oxford: Oxford University Press.
- Bertinetto P. M., Ebert K., de Groot C. 2000. The progressive in Europe // Dahl Ö. (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter. P. 517-558.

- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. 1994. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Chuluu U. 1998. *Studies on Mongolian Verb Morphology*. PHD thesis. University of Toronto.
- Ebert K. H. 1999. Degrees of focality in Kalmyk imperfectives // Abraham W., Kulikov L. I. (eds.). *Tense-aspect, transitivity and causativity: Essays in honour of Vladimir P. Nedjalkov*. Philadelphia: Benjamins. P. 323–339.
- Goldberg A. E. 2003. Words by default: inheritance and the Persian Complex Predicate Construction // Francis E, Michaelis L. A. (eds.). *Mismatch: Form-function Incongruity and the Architecture of Grammar*. Stanford: CSLI Publications. P. 84–112
- Heine B. 1993. *Auxiliaries. Cognitive Forces and Grammaticalization*. New York–Oxford: Oxford University Press.
- Heine B., Kuteva T. 2002. *Word lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hopper P., Traugott E. 2003. *Grammaticalization*. Second edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kuteva T. 2001. *Auxiliation. An Enquiry into the Nature of Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press.
- Lehmann Ch. 1995 (1982). *Thoughts on Grammaticalization: a programmatic sketch*. Rev. ed. München: Lincom Europa.
- Newman J. (ed.). 1998. *The Linguistics of Giving*. Amsterdam: Benjamins.
- Newman J. 2002a. A cross-linguistic overview of the posture verbs ‘sit’, ‘stand’ and ‘lie’// Newman J. (ed.). *The Linguistics of Sitting, Standing and Lying*. Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 1–24.
- Newman J. (ed.). 2002b. *The Linguistics of Sitting, Standing and Lying*. Amsterdam: Benjamins.
- Podlesskaya V. I. 2006. Auxiliation of ‘give’ verbs in Russian // Tsunoda T., Kageyama T. (eds.). *Voice and Grammatical Relation. In honor of Masayoshi Shibatani*. Amsterdam: Benjamins. P. 271–298.
- Shibatani M. 2006. *Grammaticalization of motion verbs*. Presentation on the 11th Biennial Rice Linguistics Symposium, Rice University. Houston, March 18, 2006.
- Yoshitake S. 1929. Auxiliary verbs in Mongolian // *Bulletin of the School of Oriental Studies*, 5, No. 3. P. 523–539.